КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 130.2

Л. К. НЕФЁДОВА

Омский государственный педагогический университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМЕ XVII ВЕКА

Европейская драма XVII века дает яркое представление об онтологических основаниях культурного конфликта данной исторической эпохи: стремление к культурному единству и многоплановости, граничность, со свойственной ей агональностью, взаимопроникновением одного в другое, смена картины мира и секуляризация мышления. В творчестве драматургов выявлено общее и особенное культурного конфликта и рассмотрены возможности его разрешения, раскрыта специфика его граничности.

Ключевые слова: драма, трагедия, комедия, онтологические основания конфликта, смысл конфликта.

Поиск смыслов культурного конфликта в европейской драме XVII века представляется актуальным не только с чисто научных позиций, но и в связи с практикой осознанного конструирования социальной реальности. Дело в том, что XVII век, будучи началом Нового времени, является граничным в процессах смены типа культуры средневековой и возрожденческой на культуру Нового времени. Данный ракурс исследования культурного конфликта в очередной раз позволит глубже понять современность в ее граничном состоянии, когда «мы воочию видим, как продолжают отчаянно работать вхолостую общественные силы. Грохочущая машина этого неистового времени того и гляди начнет буксовать» [1, с. 342].

Онтологические основания культурного конфликта XVII века объективированы в социальной и политической жизни Европы, в философии и науке, в искусстве и быте. Он проявился в революции 1648 г. в Англии, в процессах контрреформации с судами инквизиции и казнью еретиков. Общество получило небывалый опыт — казни английского монарха короля Карла I, тирана, изменника, убийцы и врага государства. Столь долго вызревавший абсолютизм оказался совсем не столь прочным, как это представлялось ранее. Обозначились непримири-

римые оппозиции: абсолютизм — парламентаризм, собственность — свобода, традиция — новация.

Онтологические основания культурного конфликта нашли частное выражение в европейской драме XVII века, которая многое наследует в его фиксации из драмы эпохи Возрождения, а многое перерабатывает до неузнаваемости, предлагает много новаций, но главное, ищет доминанты в понимании структуры конфликтного процесса и в стратегиях его разрешения. Возможно, это лишний раз подтверждает, что жестокий XVII век был веком поиска метода, и не только универсального метода познания, как, например, в философии, но поиском частных, особых методов познания и деятельности. Это не удивительно, так как процесс созидания и становления культуры предполагает соединение, столкновение, наложение друг на друга множества действий, процессов, тенденций, намерений, интересов, что является общим универсальным качеством конфликта. В то же время культурный конфликт в каждую историческую эпоху имеет свое особенное выражение, что обусловлено, прежде всего, доминированием традиции или инновации в культуре в их конкретном историческом содержании. Иными словами, если смотреть на культурный конфликт в историческом разрезе, то его онтологическим основанием будет столкновение уже сотворенных накопленных и утвердившихся содержательно-формальных культурных образований с формирующимся новым культурным содержанием, требующим для своего проявления новой формы.

Если обобщить сказанное, то эти основания можно свести, во-первых, к культурному единству и многоплановости XVII века. Во-вторых, к граничности этого века как предыдущему XVI веку, так и последующему XVIII веку. В-третьих, к смене картины мира, в-четвертых, к секуляризации мышления, в-пятых, к стилевой направленности процессов осмысления действительности в философии, в науке, в искусстве.

Все сказанное определяет специфику культурного конфликта XVII века. Культурные процессы, происходящие в Европе в XVII веке, включают в себя наследование инноваций эпохи Возрождения. Наследуются, например, понимание человека в диапазоне его возможностей, а также понимание ценности культуры прошлого и креативность в выработке новых ценностей. Иными словами, эпоха Возрождения, характеризуемая многоукладностью культуры, плавно перетекает в новую культурную эпоху. Новое время наследует так же и ренессансный антропоцентризм, правда, осмысляя центральное место человека в универсуме несколько по-иному. Если в человеке эпохи Возрождения постулировался титанизм во взаимоотношениях с действительностью, то Новое время акцентирует ответственность человека за свой жизненный выбор. При этом следует отметить, что диапазон культурных явлений, выработанных Ренессансом, был настолько разнообразен, а диапазон возможностей человека настолько расширился, что это грозило размыванием и утратой ценностных смыслов. Широта и разнообразие содержания и форм культуры и проявлений человеческой натуры после столь широкого разлива необходимо должны были сузиться и унифицироваться. Инновационный пласт культуры Ренессанса, став фундаментальным, подготовил изменение ее качества в XVII веке и позволил открыть страницу Нового времени с принципиально иной картиной мира, во многом определяемой методом познания действительности. В Новое время достаточно четкого формируются теоретический и эмпирический уровни познания, фундированные в рационалистическом и эмпирическом методах, вполне определившихся в своем размежевании уже на начальных этапах формирования. В то же время это размежевание не носило тотального характера: индукция и дедукция прекрасно уживались в практике.

Специфика культурного конфликта в Европе в XVII веке определялась не просто многоаспектностью его проявлений в формах общественного сознания, но теми смысложизненными результатами, которые давало разрешение конфликта в той или иной форме общественного сознания. Так, религиозный конфликт, актуализировавшийся еще в XVI веке, привел к окончательной победе Реформации. Протестантизм не только оформился в самостоятельную христианскую конфессию, но широко открыл двери религиозному разномыслию. Конфликтность религиозного сознания тесно связана с конфликтностью в политической и социальной сферах жизни, проявившейся в тридцатилетней войне, деятельности инквизиции, буржуазной революции в Англии в 1648 г., что говорит о мучительной, хотя и неуклонной выработке нового буржуазного строя жизни, несущего новое понимание политической и гражданской свободы. Благодаря всему этому получает возможность развиваться наука, становясь самостоятельной сферой человеческой деятельности и видом общественного сознания. Она вырастает из философского познания действительности, тесно связана с философией, подчас неотделима от нее, перенимая фундаментальные философские методы познания — сенсуализм и рационализм, позволившие позднее сформироваться эмпирическому и теоретическому уровням науки. Искусство XVII века являет пример выработки стиля художественного познания, каждый из которых, отражая своеобразие конфликтных интенций эпохи, стремится к доминированию: ренессансный реализм, барокко, маньеризм, классицизм. Таким образом, формируется сложное миропонимание и трансуровневый способ отражения действительности, характерный для Нового времени.

Если говорить о репрезентации культурного конфликта эпохи в европейской драме XVII века, то, с одной стороны, как и на предыдущих этапах исторического развития, драматический конфликт выявляет борьбу, столкновение противоположных начал, объективированных в развитии человеческой культуры и цивилизации в их универсальном выражении. С другой стороны, европейская драма раскрывает специфику культурного конфликта XVII века, его особую конфигурацию, включающую внешние и внутренние конфликты в развитии всех сфер общественного сознания: религии, науки, политики, социальной жизни, искусства, философии.

В культуре этот век называют веком гениев, подтверждением чему служит целый ряд имен: В. Шекспир, М. Караваджо, Г. Галилей, И. Ньютон, Ф. Бэкон, Д. Локк, Б. Спиноза, Р. Декарт, Д. Мильтон, П. Кальдерон, Ж. Расин, П. Корнель, Д. Веласкес, Х. Рембрандт, П. Рубенс, Л. Бернини, Г. Перселл. Список, разумеется, далеко не полный и может быть продолжен. Оценка роли этих деятелей в развитии мировой культуры, как и многих других поэтов, драматургов, писателей, философов, ученых, музыкантов, архитекторов, перечислять которых просто невозможно в рамках данной работы, выдержала проверку временем. Их гениальность несомненна,

поскольку их культурная значимость вышла за пределы своей эпохи, но дело здесь даже не в масштабе таланта названных и не названных гениев, а в том, что XVII век — время формирования ново временной рациональности, определившей на несколько веков, включая и наше время, развитие всех сфер культуры. Эта рациональность явилась прочным фундаментом, на котором возводилась культура XVIII – XIX веков, живая и по сей день в силу истинности основания, определяемого гармоническим взаимодействием традиции и инновации. С этих позиций обилие гениев — отнюдь не случайность, а ответ культуры на вызов времени.

Полагаем XVII век временем определения культурных интенций, наиболее значимыми среди которых являются следующие: стремление к культурному единству и многоплановости явлений, граничность, со свойственной ей агональностью, взаимопроникновением одного в другое, смена картины мира и секуляризация мышления. Данные интенции являются культуротворческим фундаментом, а их комплексный характер выразился в стремлении найти метод, стиль, способ познания и деятельности, что придало исторической эпохе XVII века особую стилевую направленность в развитии культуры. Уже «вполне пробудилось свободное самосознание человеческих целей, перипетий и судеб» [2, с. 539] и нашло свое выражение в драме как создании «уже развитой внутри себя национальной жизни» [2, с. 539].

Названные интенции культурного развития лежат в онтологических основаниях культурного конфликта XVII века, которые представлены в европейской драме этого времени и могут быть рассмотрены как факторы, определяющие его художественную репрезентацию. Рассмотрим эти интенции.

Прежде всего, следует выделить интенцию эпохи к культурному единству и многоплановости. Она представляет собой бинарную оппозицию и проявляется в разных сферах действительности: в социальной жизни, в искусстве, науке, философской мысли, в политике. Данная оппозиция укоренена в отношении человека XVII века к пространству и времени и просматривается во всех сферах культуры. Непосредственное пространство Европы, ее место, территория становятся тесными для развивающейся культуры Нового времени и интенция к расширению пространства, раздвижению границ известного и освоенного в XVII веке проявляется в географических открытиях, колонизации, территориальных войнах. Интенция к расширению пространства едина для всей Европы и представлена в многоплановости деятельностных разворотов: политических, социальных, экономических, научных, художественных. Ее можно усмотреть, например, в развороте политического развития, определяемого стремлением к пространственному доминированию, что нашло выражение в революциях, Реформации, колонизации, войнах, характерных для геополитики ряда европейских государств. Так, основание Нового света во многом связано с конкретной датой: 1620 год — высадка отцов пилигримов в будущем Плимуте. Войны за владение территориями идут на вновь осваиваемом континенте между колонистами и индейцами, французами и англичанами, американцами и британцами. В Старом свете идет тридцатилетняя война, затронувшая все европейские государства, вплоть до России, отразившая столкновение интересов всех слоев населения в сферах духовной и материальной жизни. Культурное единство и многоплановость Европы XVII века стали основанием для смены общественно-политической формации: феодальной на капиталистическую.

Оппозицию единства и многоплановости XVII века можно усмотреть в духовной сфере, например, в отношении человека к жизни и смерти, как оно представлено в литературе и изобразительном искусстве. Предметом изображения столь различных в литературе авторов как В. Шекспир, Д. Донн, А. Грифиус, П. Кальдерон, Д. Мильтон, Ж. Расин, П. Корнель, Ж.-Б. Мольер является человеческое бытие и человек в их сущностных характеристиках. В живописи также столь различных художников как М. Караваджо, Д. Веласкес, Х. Рембрандт, Ф. Хальс при всем их идейно-стилевом различии также представлено человеческое бытие и сам человек в обобщенных сущностных характеристиках, прежде всего, в своем отношении к жизни и к смерти. Актуализация этой проблемы в художественной культуре XVII века во многом связана с тридцатилетней войной со всеми ее ужасами: обезлюживанием, чудовищной жестокостью, развитием популяции хищников в европейских лесах. Приведем здесь свидетельство А. Грифиуса 1636 г. : «В руинах города, соборы опустели,/ В горящих городах звучит чужая речь./ Как пересилить зло? Как женщин оберечь?/ Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле» [3, с. 211].

Война способствовала формированию особого отношения к жизни и смерти. Осознавалась скоротечность жизни и возможность ее неизбежного окончания не естественным путем, в старости, в кругу близких людей, как завершение, подведение итога и мирное успение, но — возможность смерти в любой момент в связи с перманентными военными действиями. Война представляет собой разрушение порядка, гармонии, она несет страдания и актуализирует в противовес этому стремление человека к гармонии, порядку, радости. Отсюда в живописи XVII века яркое звучание темы повседневности: ситуации в кабачке, застолья, пирушки, приготовление еды, семейные и супружеские портреты. Художники всматриваются в прекрасное и безобразное начала обыденного человеческого мира. Эстетическую ценность обретает не только юность, но и старость, не только дорогой наряд, но и лохмотья. Предметом художественного изображения становится не только прекрасное, но и безобразное, что превращает изображение в исследование. В философии XVII века это выразилось в поиске метода познания, упорядочивающего бытийный хаос, а в драматургии XVII века представлено в жанрах классицистической трагедии и комедии. Метод познания в философии конструируется рационалистически, независимо от того сенсуалистом или рационалистом является сам философ, индукцию или дедукцию он предпочитает в познании. И Ф. Бэкон, и Р. Декарт выдвигают принципы метода, правила, рассматривают примеры, обращаются к истории культуры и опираются на человеческую природу. Если говорить о гносеологической специфике трагедии и комедии XVII века, то и здесь определяются принципы и правила отображения действительности, есть опора на историческую традицию и полемику с ней. Как и в философском поиске, здесь можно увидеть приоритеты: рационализм более свойствен трагедии, а сенсуализм — комедии. Действительно, «Федра» Ж. Расина, «Сид» П. Корнеля представляют собой теоретические конструкты, где с математической точностью и определенностью явлены конфликт-

ные позиции, задана дедуктивная схема конфликтного процесса. Так, Сид — герой, без тени сомнения и упрека, а Федру погружение в преступную страсть неуклонно ведет к гибели. В то же время увлечения, страсти, ошибки, проступки персонажей в комедии дают пример объективации индуктивного познания действительности. Здесь, как это свойственно эмпирике, ощущается постоянный свинг — раскачивание, расшатывание, небольшой выход за пределы общепринятого, нормы, словно нащупывание новых возможностей. Действительно, почему бы не пофлиртовать с кавалером, влюбленным в сестру, притворившись ею, как у Лопе де Веги в «Учителе танцев»? Или, будучи отцом семейства, не нанять с десяток учителей, чтобы соответствовать образовательным стандартам своего времени, как у Ж.-Б. Мольера в «Мещанине во дворянстве»? Персонажи трагедии, как правило, уже известны в истории культуры. Они архетипичны, историчны и принадлежат теоретическому познанию. Федра, Сид, Гораций — это не просто образы, но категории мифологического и исторического познания. Герои комедий являются непосредственным отражением современного им состояния мира, они синхронны своему времени. Их архетипическое категориальное значение проявится только со временем. Трагедия сразу провозглашает свою значимость в культуре, а комедия требует времени для признания. Отсюда становятся понятными квалификация комедии как низкого жанра и ревнивое отношение Мольера к авторам трагедий.

В то же время не стоит столь однозначно закреплять за трагедией рационалистический способ познания, а за комедией — эмпирический. Позиции персонажей, как трагедии, так и комедии, равно рационалистичны. Веселая комедия бичует человеческие пороки, наблюдаемые в действительности, а трагедия транслирует рационалистические идеалы жизнеустройства: долг, нравственность, государство, героизм, благовоспитанность. Идея рационалистического познания получает свое законченное выражение в творчестве французских драматургов XVII века: Ж. Расина, П. Корнеля, Ж.-Б. Мольера. Тенденцию к рационалистической определенности можно увидеть так же и в английской, и в испанской драме XVII века у Б. Джонсона, С. Тернера, П. Кальдерона, Ф. Лопе де Веги. Драма в целом «открывает предмет со всех сторон, а потому и в полной его абсолютности» [4, с. 503].

Единство и многоплановость, как сущностная характеристика эпохи, находят свое выражение не только на уровне метода познания, но в рамках творческой лаборатории отдельного автора. Так, у Ж.-Б. Мольера культурный конфликт проявляется сквозь призму комического. Сколь бы ни были у него острыми столкновения характеров, идей, позиций, они, как правило, заканчиваются житейски благополучно. Тартюф, Журден, скупой, мнимый больной, слуги домочадцы и все прочие действующие лица в пьесах Мольера — репрезентация нововременного типа человека. Это совокупный комический персонаж, репрезентирующий XVII век. С одной стороны, это вполне дифференцированный определенный человеческий тип, изоморфный культурной эпохе, узнаваемой в каждом по отдельности и целостно во всех вместе. С другой стороны, живой человеческий характер. Напомним, что принято характеризовать героев драматургов-классицистов как одномерных, имеющих какую-либо одну ярко выраженную черту — humor — нрав. Это термин Б. Джонсона, его эстетическое кредо в моделировке драматического характера. Мольер дает хрестоматийные примеры объективации этого приема, определенно показывая скупость скупого, лицемерие лицемерного, простодушие простодушного. Его персонажи убедительно представляют в поступках, намерениях, речевом поведении характер, качество, явление. В истории драматической критики принято сравнивать моделировку характера у Шекспира и Мольера, отдавая преимущество ренессансному реализму Шекспира. Если Шейлок у Шекспира не только скуп, но еще и любящий отец, то скупой у Мольера — только скуп. Однако Мольер пошел дальше Шекспира в мастерстве моделировки характера, приводя многообразие к определенному единству, раскрывая это единство как целостность характера человека. Герой Мольера — живой человеческий характер, а не риторическая фигура. (Кстати заметим, что у Шекспира сохранился средневековый риторизм, например, в монологах его персонажей.)

Заостренность какой-либо черты персонажа у Мольера не упрощает конфликтную конфигурацию, а, напротив, является средством акцентуации причин конфликта, помимо столкновения человеческих характеров. Нрав, humor, словно выводится за скобки, а позиция персонажа — религиозная, политическая, этическая, эстетическая — в целом мировоззренческая становится более определенной. Например, Тартюф — лицемер. Он находится в бытовом конфликте со всеми домочадцами. Однако Мольер выводит не конфликт характеров или жизненных устремлений. В конце концов, в «Тартюфе» нет идеала человека, равного по силе Тартюфу. Лицемерие и ханжество — основные характеристики данного персонажа, средство акцента не просто его характера, но определенной социально-религиозной позиции, концепта, отражающего специфику эпохи. Таким образом, humor является средством раскрытия интенций времени, а не просто приемом моделировки характера драматического персонажа.

Мнимый больной у Мольера — это мнительный легковерный обыватель, сосредоточенный исключительно на своем телесном состоянии, готовый довериться любому шарлатану. Превалирование телесного начала над духовным, эгоизм, легковерие, готовность быть объектом манипуляции — это качественная характеристика типа обывателя вне исторической составляющей. Обыватель, как человеческий тип, разработан, пожалуй, наиболее определенно именно в культуре XVII века. Это уже не renessens-man, бросающий вызов времени, пространству, ставящий высокие (и не самые высокие, а иногда и низменные) цели, умеющий добиваться результата, вопреки преградам. Человек эпохи Возрождения может быть не только героем, но злодеем, деклассированным элементом, опустившимся пьяницей, как сэр Джон Фальстаф, но это всегда масштабный человек. Обыватель — это человек Нового времени, ценящий комфорт, удобство, осваивающий изобретения и новшества. Это человек, научившийся пользоваться вилкой, осознавший движение крови в своем теле и движение планет в небесных сферах. У него развивается вкус к новым продуктам, специям, предметам обихода, манерам, наконец, знаниям. Он отдает дань моде, его ухо приучается к светской музыке, а глаз — к новым пространственным формам в театральном действе, архитектуре, интерьере, мелкой пластике. Он ценитель и потребитель роскоши и комфорта. Культура объективирует себя в его быте, повседневности, в формах

цивилизованного общения, которое становится социально все более дифференцированным и утонченным. Развитие культуры быта требует от обывателя адекватного общения с разросшимся кругом коммуникантов: с детьми и супругами, с родителями и слугами, с соседями и родственниками, с учителями и поверенными в делах, с докторами, портными, ювелирами, духовниками, обойщиками мебели. Список тех, с кем соприкасается обыватель Нового времени, ставший героем драматургов-комедиографов XVII века, чрезвычайно длинен и каждый в этом списке предполагает адекватную коммуникацию. Этико-коммуникационная парадигма эпохи усложняется, по сравнению со Средними веками, где она определялась отношениями вассал – сюзерен, доминирование в которых имело однозначно определенный вектор. В Новое время семантика коммуникации усложняется. Так, Сганарель, слуга, может доминировать над Дон-Жуаном, своим господином, а приживал Тартюф — над хозяином дома. Служанки у Мольера поучают хозяина, портной диктует ему моду, учитель философии — стиль эпистолярного общения с возлюбленной. В каждой из коммуникаций обывателя с любым из названных лиц возникают отношения переменного доминирования, определяемого помимо социального и материального положения характером человека, его умом, знаниями, намерениями, целями, интересами. Каждый участник стремится получить максимум выгоды. Это замечательно показано и у Мольера, и у Бена Джонсона. Типичный обыватель, живущий в определенном достатке, в деловом общении со всеми названными лицами поневоле должен усвоить довольно тонкую градацию, определяемую степенью и характером связи с ними. Он пользуется их услугами, но и зависит от них. Это новый тип обоюдной зависимости, которая не есть зависимость вассала от сюзерена, но есть изменчивая зависимость торга: поединок ума, хитрости, предприимчивости. Так, Журден нанимает учителей, он испытывает к знаниям и умениям своих наемных работников определенное уважение, стремясь усвоить эти знания и умения. Зависимость от докторов-шарлатанов у мнимого больного строится на его вере в науку и в ученость докторов, знающих тайны человеческого организма. А хозяин, пригревший Тартюфа, восторгается в нем тем, что не дано ему, обывателю: аскетизмом, альтруизмом, верой в высшие начала жизни, пусть даже их транслирует лицемер и сластолюбец. Обыватель учится пользоваться благами цивилизации. Он стремится соответствовать своему времени. Так, у Бена Джонсона сам черт не страшен обывателю Фицдупелю: он увлекается прожектерством, стремится разбогатеть, рискует. Обыватель XVII века, в сущности, скорее новатор, чем консерватор. Но это иное новаторство, чем в эпоху Возрождения — новаторство потребления. Потребляются знания, блага, комфорт, искусство, культура в целом.

Итак, единство и многоплановость культуры XVII века, как основание культурного конфликта данной эпохи, нашли отражение в поиске метода познания, а главное, метода конструирования действительности в искусстве, в частности в драматургии. Это находит отражение, с одной стороны, в актуализации жанра философской утопии (Т. Кампанелла «Город солнца»), с другой стороны, поиск метода осуществляется в сфере эмпирически проверенного у Ф. Бэкона и рационалистически обоснованного у Р. Декарта. И философская мысль, и художественная практика направлены на поиск противовеса хаосу, разрушению, дисгармонии. То есть на поиск единого устойчивого основания в множественности явленного. Так, трагедия и комедия XVII века являют единство поиска порядка, восстановления гармонии, но решают эту проблему разноплановo.

Библиографический список

1. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : АСТ, 2004. – 539 с.

2. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3 / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Искусство, 1971. – 624 с.

3. Грифиус, А. Западноевропейская лирика / А. Грифиус. – Л. : Лениздат, 1974. – 568 с.

4. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. – М. : Мысль, 1999. – 608 с.

НЕФЁДОВА Людмила Константиновна, доктор философских наук, профессор кафедры философии.

Адрес для переписки: konstans50@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.11.2013 г.

© Л. Д. Нефёдова

Книжная полка

85.15/О-74

Осмоловская, О. В. Рисунок по представлению в теории и упражнениях, от геометрии к архитектуре : учеб. пособие для вузов по направлению «Архитектура» / О. В. Осмоловская, А. А. Мусатов. – М. : АрхитектураС, 2008. – 392 с. – ISBN 978-5-9647-0148-4.

Учебное пособие предназначено для всех, кто начинает осваивать архитектурный рисунок — прежде всего для абитуриентов и студентов младших курсов архитектурных вузов. Пособие разработано на базе программ и методик кафедры рисунка МАрхИ и содержит теоретические основы архитектурного рисунка, собранные из разрозненных источников и дополненные новейшими разработками педагогов кафедры рисунка, а также практические задания. Последовательное выполнение заданий позволит учащемуся овладеть техникой архитектурного рисунка и приобрести основные навыки как в изображении отдельных геометрических тел, так и составленных из них композиций.

УДК 711.558

О. Ю. ПРУДОВСКАЯ

Омский государственный
институт сервиса

ИДЕИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В МАГИСТЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На основе анализа магистерских диссертаций проводится краткий обзор проблем формирования городской среды Омска. В качестве ведущей генерализирующей идеи научных исследований обозначена идея устойчивого развития благоустройства города и способы решения проблем городской среды методами дизайн-проектирования.

Ключевые слова: городское пространство, набережная, колористическое решение, праздник, медиапроект.

Каждый из нас обладает собственным представлением о своем родном городе и других городах, в которых он побывал. Такое представление является сложным синтезом прямых впечатлений от пребывания в разных городах, виденного на фотографиях, в живописи, графике, прочитанного или услышанного. При этом прямое восприятие предполагает часто незаметное сопоставление того, что находится перед глазами и вокруг, с тем, что было выстроено в нашем подсознании. Реклама, колористическое решение среды, ежедневное и праздничное оформление улиц, системы освещения городских пространств — «... все это представляет собой сообщение, транслируемое посредством визуального облика города, это сообщение считывается его обитателями и претворяется в жизнь» [1].

Однако современная среда Омска воспринимается, скорее, как «серые монотонные ландшафты новостроек». В результате восприятия такой среды «утрачивается способность эстетического переживания городской среды, проявляется безразличность к восприятию образа города». Таким образом, «несовершенство способов формализованного представления и связь образа жизни с организацией предметно-пространственной среды обитания людей очевидна. А разрозненность работы утверждающих инстанций не позволяет организовать полноценную систему ее наблюдения, анализа, оценки и прогнозирования. Слабая методическая, практическая и информационная база подчеркивает остроту данного вопроса» [2].

Закономерным фактом является обращение студентов-магистрантов направления подготовки «Дизайн» (программа подготовки «Дизайн среды») ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса» в своих магистерских исследованиях к проблематике формирования городских пространств. Общей целью подобного рода исследований являются выявление эстетических составляющих городской среды, а также создание удобной, качественной, благоустроенной и комфортной среды, максимально приспособленной прежде всего для жителей города. Общим является и объект исследований — средовые объекты, системы, комплексы городских пространств, а вот предмет — отражает различные подходы к решению проблем формирования городских пространств.

В современной практике проектирования приоритетными направлениями научных исследований в этой области являются:

— предложения по благоустройству общественного пространства в самом широком смысле: от создания условий для безопасного проживания и обустройства уютных дворов до формирования современных зон отдыха в парках, скверах, пешеходных зонах. Современные подходы должны предоставлять возможности для развития активной культурной жизни, в том числе и проведения городских праздников;

— анализ внешнего облика города: художественное оформление подсветки городских улиц, площадей, парков и скверов;

— сохранение объектов культурного наследия;

— ведение сбалансированной градостроительной политики, дающей возможности для развития города, но не ограничивающей комфорт его жителей.

Созданию ощущения простора и комфорта в открытой городской среде в тесной взаимосвязи между дизайном и местной природной средой предшествует изучение, наблюдение, фиксация различных факторов, в том числе и природных, влияющих на процесс проектирования современных зон городского пространства. Так, в исследовании магистранта С. Фаст (научный руководитель доцент Н. В. Алгазина) набережная Тухачевского рассматривается как объемно-планировочный комплекс у водоема, занимающий значительное городское пространство.

Жители Омска «... ценят реку и стремятся быть к ней поближе. В связи с этим появляется идея публичного пространства между городом и водой, т.е. особым образом оформленного и обжитого берега. Так возникает набережная — место публичного пребывания людей у воды — с целью организации причалов и портов, рыболовного и иного производства, а также и для купания, прогулок и любования. Ценность таких мест столь высока, что города, только-только разбогатев ... сразу начинают украшать и благоустраивать берега рек и морей, создавать набережные разных типов — из каменных стен, многоярусных террас, природных ландшафтов» [3].

В проекте набережной Тухачевского особое внимание было уделено конструкции и форме склона. Террасная форма, предложенная в проекте, позволяет сделать склон более пологим, что делает пеше-

Рис. 1. Проект реконструкции набережной Тухачевского

ходную зону комфортной для людей разных возрастов (рис. 1). По всей набережной «разбросаны» небольшие арт-объекты разной высоты (от 30 см до 1 м). В основе формы арт-объектов — икосаэдров, состоящих из двадцати правильных треугольников, лежат сочетания симметрии и «золотого» сечения, которые способствуют наилучшему зрительному восприятию и проявлению ощущения красоты и гармонии с окружающей средой. Часть икосаэдров выполнена из цветного акрилового стекла, основу которого составляет каркас из металла. Такая конструкция имеет не только декоративное значение, но и функциональное — в ночное время конструкция приобретает свойства осветительного оборудования.

Другое приоритетное направление трансформации городского пространства связано с улучшением внешнего облика города. В магистерском исследовании А. Пожиленко (научный руководитель доцент О. Ю. Прудовская) городская среда рассматривается не только с позиции архитектуры, но и с позиции колористического решения пространства. В центре внимания находится гармонизация элементов наполнения среды между собой и совмещение их с исторической застройкой и существующей ситуацией. Вопрос цветового решения городского пространства является комплексным и требует его рассмотрения в динамике с различных точек зрения.

Исследуя колористическую среду города, мы пришли к выводу, что цвет в городской среде:

1. *Должен ориентировать горожанина в пространстве.* В связи с этим мы разработали цветовое зонирование города, разделенного на несколько округов, и назначили им определенные цвета. В итоге получили систему городских колористических знаков, с помощью которых человек (горожанин или гость) сможет легко ориентироваться в городском пространстве, ассоциировать себя с конкретным районом, идентифицировать с помощью цвета место своего пребывания. В каждом из цветовых районов находятся определенные элементы городской среды — носители данного цвета. К ним относятся остановки общественного транспорта, фасады зданий и их детали (балконы, окна, цокольный или верхний этажи, картины на домах и т. д.), малые архитектурные формы, элементы уличной мебели, дорожное покрытие. Общественный транспорт может также являться носителем цветовых районов.

2. *Регламентирует, то есть накладывает определенные ограничения на поведение, придает значение отдельным элементам среды.* Для выполнения регламентирующей функции цвета необходимо ввести в колористическую среду города специальные цветовые маркеры, например, красные велосипедные дорожки и желтые тактильные плитки для незрячих и слабовидящих людей.

3. *Создает психологический комфорт.* Упорядочив цветовые характеристики визуально воспринимаемого пространства, мы добились колористической гармонизации цветовой среды, что помогает создать психологический комфорт. Для упорядочения цветового пространства, прежде всего, следует решить вопрос о частичном выводе рекламы из центральных районов города. В идеале реклама должна обеспечивать информационное и цветовое насыщение городской среды. Однако анализ существующей ситуации показал, что вывески, стенды, витрины бессистемно и хаотично размещаются и перенасыщают пространство пестротой.

В целом нельзя не заметить, что среда нашего современного города выглядит достаточно уныло. Важнейшим средством цветонасыщения может служить живой растительный ресурс, который оказывает благотворное влияние и на эмоциональное, и на психологическое состояние жителей, так как компенсирует недостаток природного окружения в урбанизированной среде, особенно в центральных и промышленных районах города.

Рис. 2. Пример колористического решения в спальном районе г. Омска

4. *Формирует гармоничное художественно-эстетическое восприятие среды.* Художественно-эстетическое восприятие города предлагается осуществить за счет введения современных технологий при отделке зданий — нанесение на фасады зданий картин известных и начинающих омских художников.

В Омске существует региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», региональное отделение Общественной организации «Союз дизайнеров России», существуют учебные заведения, выпускающие профессиональных художников, дизайнеров, фотографов. Омск — творческий город. Предлагаем предоставить возможность художникам «высказаться» на просторах города, применяя разные техники и технологии, будь то граффити, современные фасадные шпатлевки, краски или другие материалы. Так, спальные микрорайоны города можно оживить работами молодых художников, выполненными в технике граффити (рис. 2), в то время как работы в классическом стиле с грамотно подобранным колоритом могут служить связующим звеном в тех местах, где необходимо сочетать историческую и современную архитектуру.

Таким образом, любой горожанин сможет наслаждаться полотнами художников не только в музеях, но и непосредственно на улицах родного города, а в памяти гостей Омска сложится неповторимый, яркий, запоминающийся, эмоциональный образ города.

Современные подходы к формированию комфортной городской среды в магистерских исследованиях влияют на сохранение культурного наследия, которое отражается в проектных предложениях оформления городских праздников.

Комплексный дизайн оформления городов или фрагментов городской среды становится сегодня предельно актуальной задачей для профессионалов, в рамках которой создание художественно-проектной концепции праздничного оформления города предусматривает формирование среды для разнообразных форм коммуникации. Это включает проектирование и изготовление объектов и средств визуальной коммуникации, разработку подсветки зданий и уличного освещения, специальных объемно-пространственных, декоративных и свето-динамических конструкций, арт-объектов, которые формируют в сознании горожанина образ конкретного праздника [4].

Основная задача магистерской диссертационной работы М. Шинкевич (научный руководитель доцент О. Ю. Прудовская) заключалась в поиске форм и принципов межкультурной коммуникации в пределах одного города. Нами была предпринята попытка создать межкультурное пространство в формате медиапроекта «День России», включающего в себя проект организации праздничной среды и презентационный фильм о культуре народов, населяющих территорию города Омска и области.

В процессе работы нами, во-первых, исследовались условия полноправного социального и национального развития народов в рамках Омского региона. Во взаимодействии народов Омского Прииртышья наблюдаются тенденции взаимного усвоения достижений другой культуры, развития интеграционных процессов, обоюдного обмена и обогащения культур, возникновения новых, своеобразных продуктов от общения с культурой русских — основного этнического партнера коренных народов. Межкультурное взаимодействие коснулось, например, орудий труда, проявилось в сооружаемых жилищах, хозяйственных постройках, в предметах быта и одежде. Взаимное влияние разных культур имело место и в духовной сфере, в меньшей степени — на ранних этапах освоения Сибири, в значительно большей — начиная с XVIII века.

Во-вторых, анализ не только материальной, но и духовной стороны культуры народов, проживающих на территории Омска и Омкой области, показал точки соприкосновения этносов, отраженные сквозь призму национальных особенностей восприятия цвета, орнаментальных форм, праздничных традиций [5]. В большинстве культур, не исключая и культуру народов Омского Прииртышья, за основу была принята трехцветная черно-бело-красная система, которая отразилась в предметах быта, религии, костюме. Постепенно различия в цветовом восприятии народов, населяющих территорию Омской области, стирались, что говорит о медленном, но неизбежном взаимопроникновении культур.

Несмотря на то что декоративные элементы орнаментальных узоров русских переселенцев активно перенимались другими народами, населявшими Омское Прииртышье, у каждого народа сохранились свои национальные особенности. При этом об-

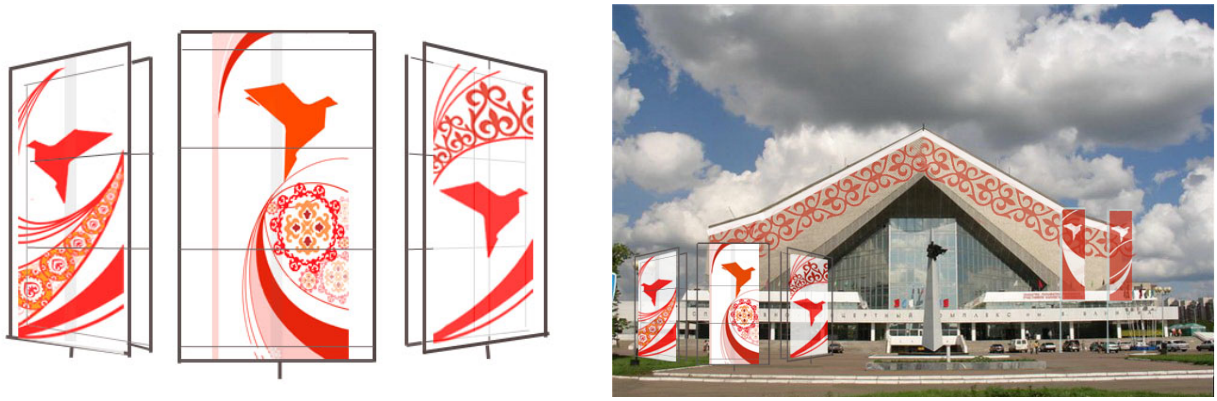


Рис. 3. Фрагмент медиапроекта «День России». Декоративные элементы праздника

ращает на себя внимание схожесть сюжетных мотивов орнамента — растительных, стилизаций образов животных, «древа жизни».

Все вышесказанное позволяет нам говорить о «культурной интеграции» как в материальной, так и духовной культуре Омского Прииртышья. Особенности цветового восприятия, орнаментальных форм, традиций впоследствии стали основополагающими в реализации медиа-проекта праздничного пространства «День России».

Сложная ситуация в сфере межнациональных отношений обязывает ученых разных специальностей обратить внимание на проблему межкультурной коммуникации. Поиск механизмов взаимодействия, межкультурного диалога, возможности максимального взаимопонимания, позитивного отношения к наличию в обществе различных этнокультурных групп, позволил нам рассмотреть государственный праздник «День России» как одну из форм межкультурной коммуникации. Дизайн в этом случае выступает как объединяющий элемент в культуре разных народов. Общественный праздник в магистерской диссертации рассматривается как целенаправленная, мощная, планомерная сила воздействия на огромные массы людей. Сила, формирующая мораль, нравственность, отношение к природе, обществу, религии, государству. В итоге праздник может (и должен) трансформироваться в общественную национальную идею.

Особое значение данная функция дизайна имеет в организации праздничного пространства города. Создание знаковой символики, цветовых сочетаний позволяет городской среде Омска стать культурным пространством для всех народов, тем самым формируя коммуникативные связи.

Нами была предпринята попытка с помощью медиапроекта учесть все особенности этносов, которые отразились в виде настенных и отдельно стоящих сюжетных и декоративных панно, спектральных цветовых композиций, объемно-плоских конструкций. Графические изображения, объединяясь с видеофайлами, реконструируют новую форму действительности, представляют новое авторское видение городского праздничного пространства — толерантного по отношению ко всем народам, населяющим современный Омск (рис. 3).

Этнография расселения народов на территории Омского Прииртышья, а также современное пространство Омска представляется в медиапроекте через образы природы, народов, костюмов в виде документального фильма. Вторая часть медиапроекта содержит в себе видеосюжеты, в которых представляется авторское видение праздничной среды «Дня России» с использованием орнаментов и инсталляций в городской среде города Омска.

В заключение следует отметить, что роль дизайна в организации городского пространства может быть очерчена очень широким спектром решаемых задач. Современный город и процессы его развития постоянно находятся в центре внимания проектировщиков, дизайнеров, архитекторов. Стремительные изменения в жизни определяют все новые задачи для проектирования комфортной окружающей среды, удобного жизненного пространства и эстетической выразительности средовых объектов [6]. «Вибрации» современного города четко улавливаются молодыми специалистами-дизайнерами и отражают актуальные художественно-проектные интерпретации культурных традиций и новых технологий и передаются в динамичных, легко трансформируемых моделях, объектах и конструкциях, цвето-световых инсталляциях и пр., которые, по замыслу дизайнеров, должны быть эстетичными, практичными и пригодными к повторному использованию.

Библиографический список

1. Оводова, С. Н. Визуальная проявленность антропокультурного городского пространства / С. Н. Оводова // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги (визуальные маркеры городской среды) : сб. науч. статей. — Омск : Амфора, 2013. — С. 91 — 95.

2. Степанова, А. С. Эволюция визуального образа города / А. С. Степанова // АРХИТЕКТОН: Известия вузов. — 2006. — № 15 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archvuz.ru/2006_3/26 (дата обращения: 08.11.2013).

3. Высоковский, А. А. Визуальные образы среды А. Высоковского. Городские набережные / А. А. Высоковский // КАК проект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kak.ru/ columns/ urbanenvironment/ a3951 (дата обращения: 08.11.2013).

4. Железняк, О. Е. Праздник — пространство культуры и профессиональной деятельности (опыт научно-проектных разработок кафедры дизайна ИрГТУ) / О. Е. Железняк, М. В. Корелина, И. В. Дьяченко // Дизайн: Теория и практика : электронное научное издание. — 2011. — № 8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://enidtp.ru/516 (дата обращения: 08.11.2013).

5. Прудовская, О. Ю. Цветовые триады нациоанльного восприятия / О. Ю. Прудовская, М. Н. Шинкевич // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги (визуальные маркеры городской среды) : сб. науч. статей. — Омск : Амфора, 2013. — С. 36 — 39.

6. Козлова, Л. Н. Проектирование в дизайне среды. Проектирование детской площадки : учеб. пособие / Л. Н. Козлова. — Омск : Омский гос. ин-т сервиса, 2012. — 90 с.

ПРУДОВСКАЯ Ольга Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия), доцент кафедры дизайна, рисунка и живописи.
Адрес для переписки: olgaprud@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 05.12.2013 г.
© О. Ю. Прудовская

УДК 39 (571.53)

В. В. ТИХОНОВ

Иркутский областной государственный автономный учреждения культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГОЛЕНДРОВ В ПРЕДБАЙКАЛЬЕ

В статье анализируется процесс переселения голендров в Предбайкалье по Столыпинской аграрной реформе 1908—1912 гг. Рассматриваются вопросы адаптации этой этнической группы в суровых сибирских условиях. Обсуждаются основные особенности, главным образом в материальных носителях культуры, отличающие голендров от остальных этносов и этнических групп, населяющих регион. Предлагаются варианты сохранения материальных носителей традиционной культуры голендров в Предбайкалье, в том числе посредством создания этнографических комплексов под открытым небом.

Ключевые слова: голендры, Пихтинск, Средний Пихтинск, Дагник, переселенцы, Столыпинская аграрная реформа.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона за 1893 г. дает следующее определение голендров: «...в Гродненской губернии под этим названием известны потомки голландцев, поселившихся здесь, вероятно, в XIII веке». В словаре говорится, что этническая группа голендров была расселена по берегам р. Буг, однако датировка расселения неверна. Практически все ученые относят формирование этнической группы голендров, по происхождению фризов [1, с. 5], к религиозной группе голендров-протестантов, к концу XVI в. Территория первоначального их расселения — Фрисландия, Северная Голландия и пограничные с ней земли северо-западной Германии. На момент первоначального переселения голендров на восток, в частности в Пруссию, эти территории Голландии принадлежали Ганзейскому союзу и были немецкой имперской областью.

Вследствие постоянного притеснения протестантов за их религиозные убеждения часть меннонитов начала во второй половине XVI в. миграцию на восток, в основном в пределы Пруссии и затем в Польшу. Значительное переселение меннонитов в Польшу отмечается с 1617 г., когда граф Лещинский принял протестантство и стал оказывать покровительство протестантам, переселяющимся в Польшу, с выделением (сдачей в аренду) им земли. По неполным сведениям, к этому времени в Польше возникло около 400 голландских поселений [1, с. 11]. К этому же времени относится возникновение на р. Буг шести поселений, объединяемых двойной деревней Нейдорф-Нейбрух. Агрессивная ассимиляция голендров местным населением, насильственное насаждение католической веры привели к тому, что уже к концу XVII в. их самостоятельные поселения стали редким исключением [1, с. 17].

В 1795 г. в результате раздела Польши территория на Буге, где проживали голендры, отошла к Российской империи. С этого времени началась фаза стабилизации. Прекратились преследования голендров из-за их веры. С 1832 г. в России была законодательно предоставлена возможность исповедовать лютеранско-евангелическую веру. В Санкт-Петербурге образовалась генеральная консистория. В итоге к началу XX в. стабилизация обстановки привела к значительному росту населения и вследствие этого к малоземелью, так как свободных удобных для сельского хозяйства земель на месте проживания бужских голендров практически не было.

Дальнейшая судьба голендров, оставшихся на Буге, была печальной. В период Второй мировой войны, после оккупации этой территории Советского Союза Германией, большая часть голендров была обращена в подданных Германии и при наступле-

нии Советской армии мигрировала на Запад, смешавшись с остальным населением. Большинство из оставшихся после прихода Советской армии были репрессированы. Таким образом, материнская колония бужских голендров на р. Буг после 1945 г. практически исчезла.

Относительно возникновения имени собственного — «голендры» — есть несколько теорий. Наиболее вероятна версия его происхождения от термина «олендры» — в польском языке этнонима «голландцы» [2, с. 27], хотя есть предположение о происхождении этого имени от «гауланд» — «разработанная земля», или от «гаулендры» — «дровосеки, корчеватели» [1, с. 3].

В начале XX в. в России проходит земледельческая, а точнее — Столыпинская аграрная реформа. Ее главной целью было снятие после Первой русской революции (1905 г.) социальной напряженности, возникшей в обществе в результате появления к этому времени значительного числа свободных крестьян после отмены крепостного права, достигшего к 1906 г. около 23 млн человек [3, с. 70]. Эта ситуация возникла еще и потому, что по-прежнему основная масса земли была у помещиков, а большая часть крестьян не могла ее выкупить и брала в аренду. Выход из общины со своим наделом земли был затруднен. Увеличение народонаселения вело к малоземелью, малоземельные крестьяне не могли обеспечить себя достаточным объемом продовольствия. К тому же за долгие годы использования земель они оскудели и перестали давать хорошие урожаи. Еще одной немаловажной целью проведения Столыпинской аграрной реформы было стремление правительства к более полной колонизации сибирских и дальневосточных земель за счет переселения на них из европейской части России значительного количества населения, главным образом крестьян, способных основательно закрепиться на земле. Перелом в колонизации, в особенности восточных районов Сибири, был обусловлен строительством Сибирской железной дороги, в разы увеличившей поток переселенцев, в том числе и для заселения местности, что диктовалось необходимостью в перспективе окупить это грандиозное по масштабам казенное строительство.

Шестого июня 1904 г. был принят законодательный акт под названием «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев» [4]. В соответствии с ним правительство поощряло переселение крестьян из мест с «неблагополучными условиями», из малоземельных губерний. При переселении крестьяне имели право на определенные льготы и материальную помощь со стороны правительства. Районы поощряемого переселения и местности, подлежащие заселению «в видах правительства», определялись министерствами внутренних дел, финансов, земледелия, государственных имуществ и военным. К таким районам Иркутская губерния была отнесена в 1906 г. Организацию передвижения переселенцев, водворение их на местах и землеотводные работы обеспечивало по указу от 6 мая 1905 г. Главное управление землеустройства и земледелия, в состав которого на местах входили переселенческие управления. С 1908 г. в целях оптимизации принимаемых решений переселенческими управлениями дела по переселению на местах передаются одному лицу: «заведующему землеустройством и переселением» [5]. На заведующих землеустройством и переселением было возложено:

— составление плана работ по изысканию свободного земельного фонда под переселение;

— составление ежегодных подробных смет расходов на: содержание личного состава; образование переселенческих участков и экспедиций для формирования свободного земельного фонда; прокладку дорог к переселенческим участкам; обустройство переселенческих пунктов и больниц; выделение переселенцам казенных ссуд и пособий.

Переселенцы переезжали в Иркутскую губернию по железной дороге. На всей ее протяженности от Челябинска до Иркутска для них были созданы врачебно-продовольственные пункты, где можно было купить продукты, получить горячую пищу и медицинскую помощь. Только в Иркутской губернии такие пункты существовали в Бирюсинске, Тырети, Нижнеудинске, Тулуне, Куйтуне, Черемхово, Зиме, Заларях, Мегете, Иркутске.

Несмотря на активную пропаганду сведений о наличии в Сибири значительных объемов невозделанных земель, у желающих переселиться была боязнь, что на новом месте они не приживутся, а вернуться обратно будет проблематично. Это являлось серьезным сдерживающим фактором в переселении. С целью ознакомления будущих переселенцев с местами их нового водворения правительством было инициировано движение ходоков: от населенного пункта или от семьи на новое место водворения в Сибирь специально направлялись представители от переселенцев для осмотра предлагаемых земельных участков и закрепления их за семьей или обществом на два года. Циркуляром от 20 января 1897 г. предусматривалась обязательная предварительная посылка ходоков для получения разрешения на поселение. Ходокам, имевшим проходное свидетельство, предоставлялось право на льготный проезд по железной дороге в оба конца, а также на медицинскую и продовольственную помощь. Выдавалась денежная помощь только наиболее нуждающимся в размере 25 руб.

На месте водворения переселенцам определялся земельный участок в 15 десятин (примерно 15 га) земли, а на переселенческих пунктах им выдавали единовременную материальную помощь в размере 100 руб. При переселенческих пунктах существовали склады с сельхозинвентарем и оборудованием, продаваемыми переселенцам со скидкой. Главной проблемой переселенцев в первые годы была необжитость территории. Нередко это были участки тайги, где посевные работы можно было вести только после раскорчевки леса. Для лучшей адаптации на новое место жительства переселенцы старались приехать весной, чтобы успеть раскорчевать хотя бы небольшой участок земли и засеять его для получения пропитания на зиму.

Конечно, 100 руб. подъемных, выдаваемых государством, было мало для начала новой жизни в Сибири. Поэтому на первые три года переселенцы полностью освобождались от уплаты казенных сборов и арендных платежей, на последующие три года обязывались платить их в половинном размере. Мужчины-переселенцы получали отсрочку воинской повинности на три года. Переселенцы по прибытии на место водворения имели право получить семейные ссуды [3, с. 64]. Переселяющиеся крестьяне по закону от 13 июля 1889 г. освобождались от выкупных платежей и недоимок по мирским и другим сборам [6, с. 28]. Значительную финансовую поддержку переселенцам предоставил указ от 9 ноября 1906 г. о раскрепощении общин. Крестьянин полу-

чал право добровольного выхода из общины вместе с закрепленным за ним наделом земли. Переселенцы продавали эти наделы, продавали дом и скарб, часть домашних животных, что позволяло им иметь стартовый капитал на новом месте жительства.

Время проезда до мест нового поселения составляло от двух недель до месяца. Переезд часто осуществлялся в столыпинских вагонах, которые представляли собой товарные вагоны, укомплектованные нарами и железной печкой. В вагонах переселенцы везли весь скарб, который они могли взять с собой. Часто вместе с ними в вагонах ехал скот. У тех переселенцев, которые ехали в пассажирских вагонах третьего класса, скот и вещи ехали отдельно, иногда в составе товарных поездов, и часто отставали от своих хозяев на две-три недели. Хозяева дожидались их на переселенческих пунктах.

Одной из особенностей Столыпинской аграрной реформы было водворение переселенцев одной национальности, прибывших из одного уезда, одной губернии или рядом расположенных деревень, в один переселенческий участок. Это позволило им, чаще всего не знающим или плохо знающим русский язык, адаптироваться к новым условиям жизни в своей этнической среде и рассчитывать на помощь земляков. Следствием такого размещения переселенцев стало сохранение традиционной культуры этносов и этнических групп, которая дошла до нашего времени.

Первыми исследователями традиционной культуры голендров в Предбайкалье были Н. Г. Галеткина [7, 8], Э. Бютов [1], Б. С. Шостакович [2]. В рамках историко-культурного зонирования Предбайкалья автор данной статьи коснулся тематики голендров в конце 90-х гг. XX в. при выделении переселенческой историко-культурной зоны, в которую помимо голендров по резко отличительным признакам материальных носителей культуры от аналогичных элементов других этнических групп вошли еще поляки, украинцы, татары и белорусы. Историко-культурное зонирование проводилось с целью выявления этносов и этнических групп, имеющих в материальных элементах традиционной культуры характерные особенности, свойственные этому этносу или этническим группам, сохраняя или реконструируя которые можно организовать музейное экспозиционное пространство [9, с. 90–96].

Важным в истории переселения голендров в Предбайкалье можно считать 1910 г., когда в Заларинскую волость, на железнодорожную станцию Залари, в переселенческий пункт с района р. Буг приехало четверо ходоков — Андрей Гимборг, Иван Гильдебрант, Иван Бытов и Петр Кунц — для решения вопроса, поставленного перед ними односельчанами, о возможности переселения на сибирские земли [10, с. 120]. Ходоки представляли этническую группу бужских голендров. Возвратившись на Буг, ходоки способствовали для переселения в Предбайкалье 36 семей из рядом расположенных поселений.

Переезд голендров в Предбайкалье начался весной 1912 г. К сожалению, зарегистрированные ходоками участки оказались занятыми. Поэтому по приезде первых переселенцев на ст. Залари в переселенческом управлении им предложили другой, значительно удаленный от железной дороги (90 км) переселенческий участок — Пихтинский. Здесь, на Пихтинском участке, расположенном в предгорьях Саян, на р. Тотаме, голендры основали три поселения с названиями, повторяющими названия поселений в материнской колонии (на р. Буг): Дагник, Новины, Замостечье. Уникальность поселений состоит, в первую очередь, в архитектуре домов и характере хозяйственного уклада, не встречаемых в Предбайкалье у других этносов и этнических групп. Вытянутые в длину дома голендров под единой кровлей содержат отапливаемую хату с холодными сенями, из которой идет переход в стайку (хлев) и далее в парадный и хозяйственный дворы. Такая архитектура типична для мест, из которых приехали голендры. Особенностью является и то, что для строительства стен голендры обтесывали с двух сторон бревна по 12–14 см толщиной. Так делали у них на родине. В Сибири с ее морозами такая толщина стен не позволяет эффективно сохранять тепло. К сожалению, новоселам это стало понятно только после прихода первой зимы. Поэтому следующим после первой зимовки летом стены для утепления стали обмазывать глиной, а уже в 40-х гг. XX в. обивать досками с промежутком между досками и стеной дома в 5 см, который забивался опилками [10, с. 120]. Хата с сенями имела в среднем размеры 5,6 х 6,5 м.

Пихтинские дома были одноэтажными, без подклета, и ставились без фундамента, сразу на землю. Сообщение между хатой и хозяйственным двором проходило через стайку по отгороженному в ней коридору. Хата состояла из теплого помещения — кухни, а также из зала и спальни. Отапливалась хата печью-голландкой с пристроенной к ней плитой для приготовления пищи. Печь охватывала обогревом все помещения хаты, даже выходя небольшой своей частью в сени. Потолок хаты укладывался из тесовых плах и засыпался землей. Из сеней на потолок, под крышу вела лестница. По воспоминаниям И. З. Зелента, на крыше избы в плетеных корзинах хранили в замороженном виде засыпанные золой куриные яйца, там же хранили копчености, только подвешивали их к крыше.

Стайка коридором, образованным жердевыми прясламі — загонами для скота, делилась на две половины и имела, как и хата, выходы на парадный и скотный дворы. В стайке вместе, не разделяясь, содержались коровы, телята, овцы, гуси, поросята. Часто помещение для поросят пристраивалось к стайке снаружи дома с входом в него со скотного двора. Чердак стайки соединялся с чердаком избы и вторым выходом в него из хозяйственного двора дома. На чердаке содержались куры.

Территория хозяйственного двора делилась на складскую часть с навесом над ним для сена и так называемую клуню. Вход в хозяйственные постройки был с двух сторон — с парадного и скотного дворов — через одно-двустворчатые ворота, позволявшие телеге выезжать на хозяйственный двор для разгрузки с парадного двора, разгружаться и далее выезжать на скотный двор. Та часть строений, где проезжали телеги, использовалась как ток (в летнее время молодежь проводила там посиделки и танцы). Остальная часть хозяйственной территории использовалась для размещения ручной мельницы, хранения половы (мякины гречки и проса), применявшейся для кормления поросят и совместно с грубой мякиной для кормления другого скота. Здесь же был вход в погреб, где зимой хранили корнеплоды и ульи. Клуня, специальный рычажный механизм со ступой для отшелушивания зерна, занимала отдельное место в хозяйственном дворе.

В усадьбе П. М. Людвига к дому со стороны скотного двора были пристроены навес для крупного рогатого скота и овчарня, к настоящему времени не сохранившиеся. Сруб избы сложен из отесанных «в

лапу» или ласточкин хвост бревен с незначительно выступающими остатками бревен. Стена стайки сложена из тонких бревен. Стена хозяйственного двора сложена из широких деревянных плах, вставленных в пазы столбов. По главному торцевому фасаду избы всегда было два окна. Со стороны входа в дом с парадного двора в хате было одно окно, а со стороны скотного двора — два окна. В отличие от основной массы сибирских домов, кровля дома имеет покрытие коротким драньем в три ряда и в два слоя. Стропильная конструкция кровли опирается на поперечные дому балки, выдающиеся от стен на 40—50 см. Консольные балки имеют фигурные формы. Это единственное украшение дома, так как даже на окнах отсутствуют наличники [10, с. 122].

В состав инфраструктуры усадьбы П. М. Людвига входили также, к настоящему времени утраченные, зимняя печь для выпечки хлеба и сушки мякины, стоявшая в стороне от дома на скотном дворе, колодец с журавлем, винзарня (коптильня), столярная мастерская и навес для выгонки самогона, располагавшийся рядом с колодцем. Единственная сохранившаяся винзарня — в усадьбе А. М. Гильдебрант. По информации И. З. Зелента, первоначально на всю деревню была одна баня, в последующем бани стали ставить во всех усадьбах, размещая их на скотных дворах. В некоторых усадьбах стали сооружать отдельно стоящие от дома амбары и пристроенные к дому со стороны хозяйственной половины в торце стайки и навесы.

В 20—30-х гг. XX в. из-за немецких фамилий практически всех голендров записали по национальности немцами. И сегодня в паспортах у них указана национальность «немцы». С началом Великой Отечественной войны голендры как немцы не были в такой степени репрессированы, как поволжские немцы. Тем не менее практически все взрослое население было отправлено в трудовую армию, в основном на лесозаготовки.

В конце 60-х гг. XX в. многие из голендров оставили старые дома и переселились в новые, построенные традиционно по-сибирски, рядом со старыми домами. К настоящему времени в Пихтинске, Среднем Пихтинске и Дагнике сохранилось 14 домов постройки 1912—1914 гг., некоторые из них находятся в полуразрушенном состоянии. Примечательно, что голендры, попав в Предбайкалье небольшой группой и будучи окруженными со всех сторон другими этносами и этническими группами, сумели сохранить свою культуру и в дальнейшем, со всеми особенностями интерьера, ведения хозяйства, со своими орудиями труда.

В последнее время в связи с распадом колхозов у некоторых голендров наблюдается возврат к натуральному хозяйству. Это в какой-то мере обусловлено удаленностью от основных индустриальных центров. Тем не менее процесс глобализации затрагивает и их. В 1912—1914 гг. в Предбайкалье переселились порядка 400 голендров. Сейчас в трех населенных пунктах — Пихтинске, Среднем Пихтинске и Дагнике — проживает 500 человек. А в Иркутской области, по озвучиваемой на сборах общественной организации «Бужские голендры» информации, голендрами себя считают около 6 тыс. человек. В настоящее время актуальна проблема сохранения традиционной культуры предбайкальских голендров. От ее решения зависит, сохранят и передадут ли они свою культуру будущим поколениям голендров и останется ли для будущих поколений этот уникальный элемент традиционной этнической культуры как составная, хотя и небольшая, часть культуры Иркутской области, России и в целом мирового наследия.

Практические работы по музеефикации этнокультурных особенностей предбайкальских голендров стали вестись в начале 2000-х гг. Было определено два направления: создание музейного комплекса — резервата на историческом месте, т. е. превращение одной из усадеб в этнографический музейный комплекс и перенесение (транслокация) одной или двух усадеб предбайкальских голендров в переселенческую экспозицию Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). Для музеефикации по первому варианту в 2011 г. автор данной статьи приобрел в собственность усадьбу голендра Гимборга (Средний Пихтинск), создал в ней этнографический музейный комплекс и передал его государству. Сейчас усадьба голендра Гимборга является филиалом музея «Тальцы». Усадьба практически полностью сохранилась в первозданном виде. Она состоит, как и остальные усадьбы, из дома постройки 1912 г., где под единой крышей собраны хата, стайка и хозяйственный двор. К дому с торцевой стороны хозяйственного двора пристроен навес. Все строения крыты драньем. В скотном дворе колодец с журавлем и баня. Последняя, по всей видимости, послевоенной постройки. Жилая часть — хата — в 1960-х гг. была обита досками и утеплена опилками. После реставрации хата приняла первоначальный облик, бревна обмазаны глиной и побелены. Внутри хаты, сеней, стайки и хозяйственного двора воссоздан интерьер в основном из экспонатов, ранее являвшихся принадлежностью этого дома. В планах музея воссоздать зимнюю печь для выпечки хлеба на скотном дворе, винзарню, приспособление для выгонки самогона и распахать участки земли для засева. Предполагается завести небольшое количество скота (корову, козу, овцу) и домашнюю птицу, что оживит экспозицию. В связи с удаленностью данного музейного комплекса от центра в будущем встанет задача организации туристического потока в него. Немаловажное значение имеет тот факт, что обслуживанием комплекса и всей интерактивной частью экспозиции уже занимаются в основном представители этнической группы голендров, как пенсионного возраста, так и молодежь, что обеспечивает преемственность национальных традиций и является определенной гарантией сохранения этих традиций во времени.

Второе направление сохранения этнокультурного наследия предбайкальских голендров предусматривает реконструкцию одной или двух усадеб голендров в переселенческой экспозиции Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Музейный комплекс «Тальцы» расположен в 47 км от г. Иркутска по тракту к оз. Байкал на пути напряженного туристического потока. Размещение экспозиции предбайкальских голендров на столь оживленном туристическом маршруте будет способствовать популяризации их традиционной культуры и, в свою очередь, увеличит туристический поток непосредственно в пос. Средний Пихтинск, на родину предбайкальских голендров. В настоящее время проведены переговоры по переносу и временной сборке в «Тальцах» усадеб Зелента из поселков Пихтинск и Средний Пихтинск. Отличие этих усадеб друг от друга в размерах домов. В 2013 г. предполагается вывезти оба дома. Формирование экспозиции предбайкальских голендров в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» является гарантированной

государством формой сохранения их этнокультурных особенностей.

Библиографический список

1. Бютов, Э. Происхождение и история бужских голендров / Э. Баютов // Тальцы. — 2004. — № 4 (23). — С. 3—22.

2. Шостакович, Б. С. Голендры: этимология термина и понятия / Б. С. Шостакович // Тальцы. — 2004. — № 4 (23). — С. 23—35.

3. Скляров, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. — Л., 1962. — 588 с

4. Полное собрание законов. В XXXIII т. Т. XXIV. — Ст. 24701.

5. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1064. Д. 2471. Л. 3 об.

6. Федотова, Е. Д. Из истории заселения таежных и урманных пространств Иркутской губернии во 2-й половине XIX в. / Е. Д. Федотова // Социально-экономическое развитие Сибири XIX—XX вв. — Иркутск, 1976. — С. 25—31.

7. Галеткина, Н. Г. Бужские голендры: в поисках утраченной идентичности / Н. Г. Галеткина // Восток и Россия: Взгляд из Сибири. — Иркутск, 1996. — С. 370—374.

8. Галеткина, Н. Г. Несколько замечаний в ответ на критику / Н. Г. Галеткина // Тальцы. — 2004. — № 4 (23). — С. 36—39.

9. Тихонов, В. В. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / В. В. Тихонов, А. К. Нефедьева. — Иркутск, 2006. — 216 с.

10. Тихонов, В. В. К вопросу о музеефикации сохранившихся элементов материальной и духовной культуры голендров Предбайкалья / В. В. Тихонов // Тальцы. — 2004. — № 4 (23). — С. 116—124.

ТИХОНОВ Владимир Викторович, кандидат культурологии, директор Иркутского областного государственного автономного учреждения культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Адрес для переписки: eukolganova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.11.2013 г.

© В. В. Тихонов

УДК 72.04

Л. В. ЧУЙКО

Омский государственный технический университет

ДЕКОРАТИВНЫЕ МОТИВЫ «БОЛЬШИХ СТИЛЕЙ» В ДОМОВОЙ РЕЗЬБЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX в.: «ЗАНАВЕС»

Статья содержит анализ декоративного мотива драпировки, распространенного в домовой резьбе городов Западной Сибири конца XIX—начала XX вв. под названием «занавес». На основе натурных материалов автор характеризует распространенные в регионе варианты мотива, его размещение и техники исполнения, некоторые особенности декоративных композиций.

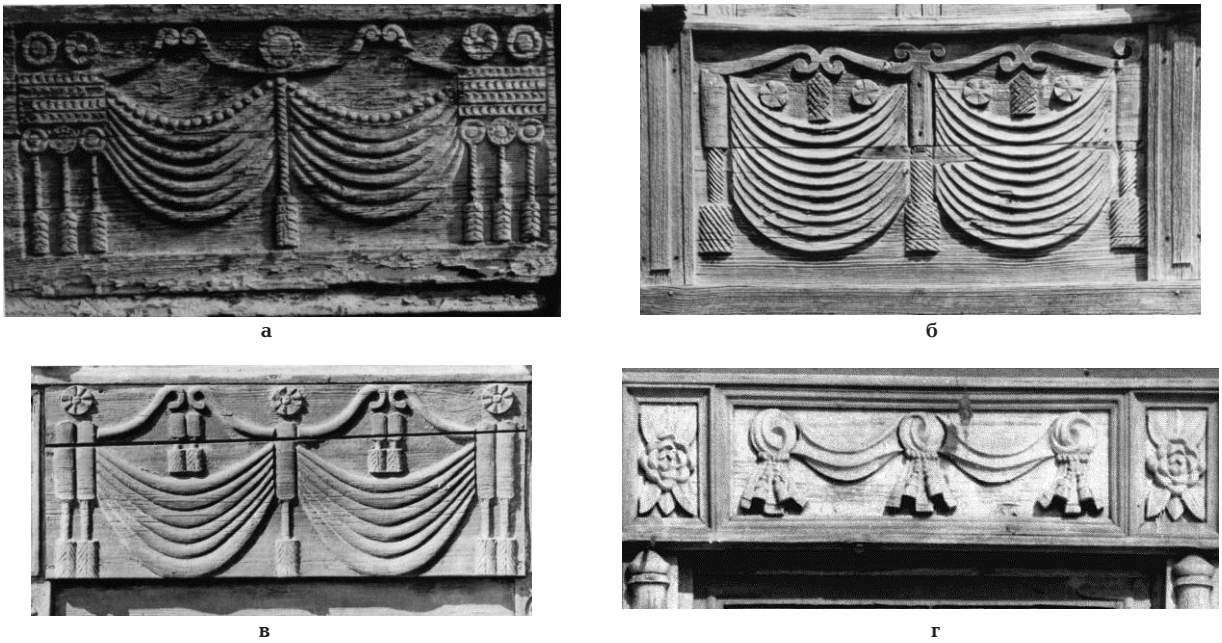
Ключевые слова: архитектура, стиль, домовая резьба, декоративная композиция, драпировка, «занавес».

В домовой резьбе городов Западной Сибири конца XIX—начала XX вв. сложилась устойчивая традиция использования мотивов архитектурного декора барокко и классицизма. Их происхождение связано с различными источниками визуальной информации: художественным оформлением каменной архитектуры «больших стилей», материалами специальных и популярных изданий по архитектуре; вероятно, многое народные мастера почерпнули в резьбе барочных иконостасов XVIII в. [1].

Распространенным вариантом стилевого архитектурного декора в западносибирской домовой резьбе является драпировка, которая предстает, как правило, в виде «занавеса» — горизонтальной полосы ткани, подхваченной шнуром с кистями. «Занавес» традиционно располагался на аттиках, щитках наличников и карнизах. В большинстве случаев изображение выполнялось в технике накладной рельефной резьбы, но в декоре старых деревянных домов Тюмени, датируемых второй половиной XIX в., имеются выразительные примеры применения глухой резьбы с плоскорельефными дополнениями.

В начале XX в. в западносибирской домовой резьбе проступают признаки «сглаживания» местных особенностей декоративных мотивов. Основной причиной этого является нарастание интенсивности коммуникативных процессов, в том числе активизация миграционных движений российского и регионального масштаба.

Тем не менее каждый город Западной Сибири в это время имел свое индивидуальное «лицо», в чертах которого существенную роль играл облик дере-



а б в г

Рис. 1. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Тюмени. Вторая половина XIX в. (по Н. Г. Шайхтдиновой)

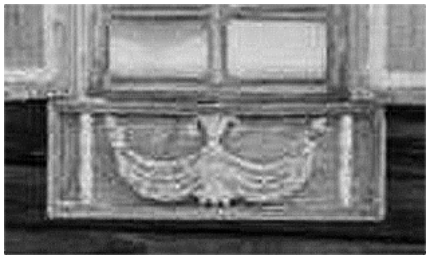


Рис. 2. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Ишима. Начало XX в.

вянной жилой застройки, во многом благодаря ее резному декору. Города находились в разных природно-климатических условиях, имели различные функции, исторически сложившиеся в пределах региона, отличались по промышленно-экономическим показателям и социально-культурному потенциалу. В соответствии с этим в резном декоре каждого города существовали свои собственные предпочтения, которые отражали наиболее характерные локальные особенности «перевода» стилевых мотивов на язык народного художественного промысла.

В старейших торгово-промышленных центрах Западной Сибири — Тюмени, Тобольске и Томске, где в XVIII—XIX вв. активно формировалось купеческое сословие, для богатых заказчиков строилось немало щедро украшенных резьбой особняков и доходных домов, придававших облику города оттенок особой нарядности, что побудило Н. Г. Шайхтдинову упоминать о типе «сибирского палаццо» [2, с. 32]. В декоре деревянной архитектуры Тюмени это впечатление создавалось благодаря обилию рельефной резьбы с выраженными барочными мотивами, среди которых видную роль играла драпировка.

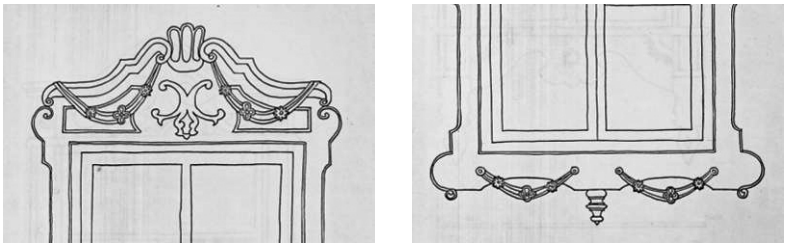
Тюменские «занавесы» второй половины XIX в. были наиболее сложными по рисунку и пластике — с несколькими рядами складок, длинными витыми шнурами и крупными кистями [2, с. 42—43, 47, 54]. Такими «занавесами» нередко украшали широкие — до 50 см — подоконные доски (рис. 1а—в).

Иногда декоративная композиция верхней части наличника изображала узкую полосу ткани, завязанную узлами; ее свободные концы образовывали объемные «сборки» (рис. 1г). Крупные детали, четкий рисунок и выполнение в технике глухой рельефной резьбы придавали таким изображениям выраженный монументальный характер.

В начале XX в. глухая резьба в домовой резьбе Западной Сибири уступила место накладному рельефу. Один из ярких примеров применения этой техники для выполнения «занавеса» зафиксирован в г. Ишиме Тюменской области. «Занавес» украшает подоконную доску деревянного дома, построенного в начала XX в. Ее ширина, хотя и не достигает максимальной величины, все же превышает обычный размер, и декоративная композиция в пространстве большого поля выглядит очень эффектно (рис. 2). Отметим, что общий характер этой композиции отличается от более ранних изображений и имеет сходство с вариантом, распространенным в Томске, Барнауле, Омске.

В Тобольске, с 1796 г. имевшем статус центра Тобольской губернии, важную роль играли взаимоотношения богатых торговцев с представителями дворянства (отметим, что в их числе были ссыльные, прибывшие из европейской России) и чиновничества, что способствовало повышению культурного уровня и эстетических запросов купеческого сословия [3]. Деревянные особняки и добротные дома зажиточных владельцев украшала красивая и оригинальная резьба — здесь можно было встретить и крупные объемные детали, и узоры с мелким растительным орнаментом, выполненные в накладной и ажурной пропильной технике. Мотив «занавеса», судя по обследованным материалам, не был широко

а б в



г д

Рис. 3. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Тобольска. Конец XIX–начало XX в.: а–в — из архива В. П. Тоболякова[1]; г, д — из фондов ТГИАМЗ

а б

Рис. 4. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Томска. Конец XIX–начало XX в.

распространен в домовой резьбе Тобольска конца XIX – начала XX в. Он представлен здесь традиционным, довольно простым вариантом — две провисающие полосы ткани с небольшими кистями (рис. 3а). Отметим однако, что в этом варианте кисти выполнены не только в барельефе, но и в полном объеме, «как настоящие». В сочетании с другими дополняющими деталями скромные драпировки образуют оригинальные и красивые решения — например, с «гирьками» (рис. 3б) или «цветочными гирляндами». В последнем случае части «занавеса» могут быть прикреплены к выступающим деталям карниза наличника, составляя не только рельефную, но и пространственную композицию (рис. 3в).

Замечательный пример применения «занавеса» в оформлении наличника находится в фондах Тобольского государственного исторического музея-заповедника (далее ТГИАМЗ), где хранится альбом «Оконные орнаменты Тобольска» (№ ТМ КП 13364) — зарисовки наличников, выполненные в 1976 г. студентами кафедры архитектуры Хабаровского политехнического института. На одном из рисунков этого альбома (лист № 3) изображен наличник, где «занавесы с гирляндами», выполненные как отдельные детали, украшают не только очелье (рис. 3г), но и «подвешены» к подоконной доске (рис. 3д). В обследованных материалах других западносибирских городов подобные решения не зафиксированы.

Томская домовая резьба представляет традиционное применение декоративной композиции с «занавесом» в технике накладного рельефа на очелье наличников (рис. 4а). Однако, вписываясь в динамичное очертание килевидного щитка, «занавес» приобретает характер своеобразного «шатра», где вершина отмечена декоративной деталью, а симметрия изображения подчеркнута тремя свисающими кистями (рис. 4б).

В центре Алтайского края Барнауле, который в XIX в. был одним из крупнейших торгово-промышленных городов Западной Сибири, до настоящего времени сохранилось немало деревянных зданий, имеющих большое значение как архитектурные памятники. Судя по этим натурным материалам, мотив «занавеса», как и в Тобольске, нельзя назвать самым распространенным в местной домовой резьбе, но среди зафиксированных примеров имеются весьма интересные решения.

Замечательный пример «занавеса», на данный момент самого крупного и «развернутого» в обследованном материале, размещен под карнизом фигурного аттика двухэтажного дома (рис. 5а) — рельефное изображение симметрично расположенных полос ткани, подхваченных шнуром в трех ме-

а

б

в

г

Рис. 5. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Барнаула. Конец XIX–начало XX в.

а

б

в

Рис. 6. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Омска. Конец XIX–начало XX в.

стах. Варианты «занавеса» на очельях наличников этого же дома обнаруживают сходство с томскими и тюменскими композициями (рис. 5б, в).

Наиболее оригинальная интерпретация рассматриваемого мотива в Барнауле встречается в нескольких случаях на нижних концах боковых стоек наличников. Ее можно назвать графической — складки занавеса выполнены в технике плоскорельефной резьбы, лаконичный рисунок уверенно передает динамичный характер драпировки (рис. 5г).

В Омске «занавес» встречается, как правило, в виде двух дугообразно провисающих полос ткани с небольшими кисточками по краям и в центре. Драпировки при этом узкие, нередко уплощенные, с легкой дополнительной проработкой; техникой исполнения обычно служит накладная рельефная резьба (рис. 6а, в). Оригинальным местным вариантом мотива является композиция с двумя отдельными кисточками — она часто используется в омской резьбе для украшения наличника с разорванным карнизом, очертания которого визуально заменяют

Рис. 7. Мотив «занавеса» с фестонами и бантами в домовой резьбе Омска. Конец XIX–начало XX вв.

Рис. 8. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Омска. Фрагмент фриза (?). Конец XIX–начало XX вв.

а

б

в

г

Рис. 8. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Новосибирска. Начало XX в.

изгибы драпировки; это ощущение усиливает нить «жемчужника», проходящая по нижней части карниза (рис. 6б).

Редкой интерпретацией драпировки в резном декоре Омска, обычно довольно сдержанном, является «занавес» в духе купеческой роскоши, с фестонами и пышными трехлепестковыми бантами, выполненный в технике накладной рельефной резьбы (рис. 7). Этот вариант зафиксирован в оформлении наличников жилого дома начала XX в. В изученных материалах Омска и других городов Западной Сибири аналогичное решение пока не обнаружено [4].

Уникальным для Омска является изображение «занавеса», близкого красивейшим тюменским драпировкам как по трактовке мотива, так и технике исполнения — глухая рельефная резьба (рис. 8). По словам хозяев, приспособивших это украшение для своих ворот, доска сохранилась от стоявшего неподалеку давно снесенного дома. Судя по длине, она могла находиться только на фризе; в декоре этого элемента «занавес» в виде сплошной ленты является на данный момент исключительным примером в обследованных материалах западносибирской домовой резьбы.

Новосибирск (до 1925 — Новониколаевск), получивший статус города в 1903 г., не имел давних традиций домовой резьбы, так как его зарождение было связано с проведением Транссибирской магистрали, в том числе со строительством железнодорожного моста (1897; инж. Н. А. Белелюбский) и появлением станции «Обь». Благодаря этому, развитие города пошло быстрыми темпами, и уже через десять лет Новониколаевск превратился в значительный промышленно-экономический центр, где велось интенсивное строительство [5]. При этом почти все жилые дома, как повсюду в провинции, были деревянными. Приток строителей и резчиков из разных областей России, вместе с влиянием уже сложившихся традиций резного декора соседних городов, обусловил большое разнообразие художественного оформления жилой архитектуры.

В домовой резьбе Новосибирска встречаются «занавесы» двух видов. Один мотив — по расположению на очелье, общей композиции и технике —

Рис. 9. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Кургана. Конец XIX–начало XX в.

Рис. 10. Мотив «занавеса» в домовой резьбе Сургута. Конец XIX–начало XX в.

сходен с тем, что отмечено в других городах, и представлен различными по качеству вариантами от высокохудожественных (рис. 8а,) до примитивных (рис. 8б).

Другой вариант, составляющий отличительную черту местной интерпретации мотива, выполнялся в технике сквозной пропильной резьбы и использовался как подзор самого простого рисунка — его размещали под карнизом крыши, нередко во втором ряду (рис. 8а, в, г). Иногда обе разновидности применялись одновременно (рис. 8а).

Сложные ажурные изображения драпировок на наличниках и подоконных досках городских западносибирских деревянных домов почти не встречаются. Это вполне понятно — самим характером мотива предопределено обращение к технике, оперирующей объемом, пусть даже незначительным. Однако намеки на складки «занавеса», обозначенные длинными изогнутыми пропилами, зафиксированы в домовой резьбе Кургана (рис. 9).

В Сургуте, одном из старейших западносибирских городов (основан в 1594), почти не осталось домовой резьбы рассматриваемого периода. Но среди немногочисленных сохранившихся и воссозданных образцов имеется пример причудливого узора, украшающего верхнюю часть двухъярусного очелья наличника (рис. 10).

Декоративный мотив, расположенный на прямоугольном щитке, аналогичен тому, который встречается в Тюмени, Барнауле и Томске, зато верхняя композиция представляет вариант драпировки (?) необычного рисунка. Это изображение весьма далеко от привычных разновидностей занавеса, но, тем не менее, присутствие в центре композиции характерной кисточки не позволяет полностью отказаться от возможности приобщения сургутского варианта к рассматриваемой группе мотивов резного декора.

Художественно-образные традиции домовой резьбы городов Западной Сибири складывались под влиянием многих факторов, среди которых огромная роль принадлежала связи с общерусской архитектурно-декоративной традицией; при этом наиболее устойчивой являлась система расположения резного декора на деревянном доме.

Однако при значительном сходстве орнаментальных мотивов, декоративных композиций и техники исполнения в архитектурной резьбе западносибирских городов отчетливо проявляются отличия, вызванные рядом объективных причин. Наиболее значимыми из них являются природные особенности и социально-культурные условия: они обусловливают характерные признаки, на которых основаны изучение, анализ и классификация резного декора деревянных жилых домов.

Так, в старых купеческих городах преобладает нарядная «скульптурная» или «кружевная» резьба (Тюмень и Томск); в Омске, военно-административном центре, к тому же стоящем на открытой ветрам степной равнине, преобладает скромный и неброский вариант накладной пропильной резьбы; в Новосибирске узнается влияние традиций резного декора нескольких близлежащих городов.

Резной архитектурный декор Западной Сибири всесторонне отражает процесс развития народной городской культуры в конце XIX — начале XX вв. — в том числе взаимодействие с профессиональной художественной культурой, и является незаменимым источником информации, на основе которой формируется целостная картина бытования домовой резьбы на территориях региона.

Примечание

[1] Тоболяков Виктор Павлович — тобольский писатель, автор книг «Беседы о Тобольске и его исторических окрестностях: размышления о предназначении Царственной Столицы Сибири» (Екатеринбург, 2002) и «Письма тоболякам» (Екатеринбург, 2011)

Библиографический список

1. Зольникова, Н. Д. Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX вв. / Н. Д. Зольникова. Сибирская икона. — Омск : Иртыш-92, 1999. — С. 25.

2. Шайхтдинова, Н. Х. Деревянная резьба Тюмени / Н. Х. Шайхтдинова. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1988. — 160 с.

3. Резун, Д. Я. Городские ярмарки Сибири XVIII–первой половины XIX в. : ярмарки Западной Сибири / Д. Я. Резун, О. Н. Беседина. — Новосибирск : Наука, 1992. — С. 68, 70.

4. Чуйко, Л. В. Резной декор деревянной архитектуры. Омск и Тара. Конец XIX — вторая половина XX в. / Л. В. Чуйко. — М. : Наука, 2005. — С. 216.

5. Баландин, С. Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 / С. Н. Баландин. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — С. 11, 21–25.

ЧУЙКО Лариса Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент (Россия), доцент кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии».
Адрес для переписки: chuiko_lar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2013 г.
© Л. В. Чуйко

УДК 72 (571.13)

А. Н. ГУМЕНЮК

Омский государственный технический университет

КОМПЛЕКС ЗДАНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКЕ ЛЮБИНСКОГО ПРОСПЕКТА г. ОМСКА. К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ

В статье анализируются комплекс зданий в исторической застройке Любинского проспекта г. Омска; отмечаются стилистические особенности. Конкретизируется творческий почерк архитектора И. Г. Хворинова и предлагается атрибуция памятника.

Ключевые слова: памятники архитектуры, эклектика, модерн, реконструкция.

В конце XIX столетия, отмеченного для г. Омска строительством Великой Сибирской железнодорожной магистрали и, соответственно, стремительным развитием торговли, центр города переместился в его вновь выстроенную деловую и коммерческую часть — Любинский проспект. Исследуемый комплекс зданий, имеющий диапазон датировок от второй половины 1870-х до 1910-х годов, представляет историческую ценность как целостный архитектурный фрагмент в исторической застройке восточной стороны названного проспекта (современный адрес: ул. Ленина,11; 13; 13«а» и ул. Бударина, 3).

История комплекса тесно связана с деятельностью лиц, имевших определенное значение для развития коммерческой и культурной жизни Омска последней трети XIX – начала XX веков. А именно: купчихи Феоктисты Мартемьяновны Чириковой, торговавшей чаем и сахаром и владевшей в конце XIX века четырьмя домами; полковника Чирикова Михаила Гавриловича — члена Омского отдела Географического общества; архитектора Илиодора Геннадьевича Хворинова, кому приписывается авторство перестройки зданий; купчихи Марии Александровны Шаниной, приобретшей дома в 1908 году, — личности для города примечательной, со сложной «послереволюционной судьбой»; известных горожан — владельцев галантерейного магазина Бориса и Цецилии Саметников, нотариуса Герцмана, Тарифа Маннасова, торговавшего винно-гастрономическими и колониальными товарами, и других. Перечень «исторических лиц», как и многоэтапная история строительства комплекса, функциональная принадлежность помещений подробно отражена в паспорте на памятник истории и культуры.[1]

К историческим сведениям следует добавить, что начало столетия в социальной сфере ознаменовалось проведением в России Столыпинской аграрной реформы (1906 – 1911). Вопросами внутренней колонизации — перемещением сельского населения из центральных районов страны в Сибирь и на Дальний Восток для освоения пустующих земель и на постоянное жительство — занималось Переселенческое управление, главная контора которого в 1917 году разместилась в доме М. А. Шаниной (бывшем Ф. М. Чириковой).[2] Таким образом, исследуемый памятник напрямую связан с событиями отечественной истории, выразившимися в «движении переселенчества». Отметим также, что не менее важное событие в жизни края — строительство Великого Сибирского пути и, в связи с этим, функционирование служб железной дороги — отложило отпечаток на историю бытования памятника: в 1903 – 1918 годах в одном из помещений второго этажа располагалась контора грузовой железнодорожной станции [1, с. 48].

Здания М. А. Шаниной были муниципализированы в 1924 году. Здесь в 1925 – 1926 годах разместился целый ряд учреждений: Церабкооп с бухгалтерией, торговым отделом и складом № 1, камвольный трест, контора транспортного потребительского общества Омской дороги. В 1930 году из упомянутых организаций остался Церабкооп со складом.[3] Во время войны 1941 – 1945 годов второй этаж был отдан под квартиры, которые еще долгое время, вплоть до середины 1960-х, оставались в ведении домоуправления.[4]

Приведем краткие сведения о последней владелице домов комплекса, крупнейшей омской предпринимательнице, потомственной почетной гражданке Марии Александровне Шаниной. Родилась 26 марта 1864 года в семье омского мещанина Александра Егоровича Накладова. Училась в церковно-приходской школе. В 1881 году вышла замуж, уже как дочь купца, за потомственного почетного гражданина города Вязники Владимирской губернии Михаила Никаноровича Шанина, с конца 1890-х годов состояла членом городского благотворительного общества. В 1897 году овдовела.

В 1897 – 1898 годы по заказу М.А. Шаниной архитектором И. Г. Хвориновым проектируется, а затем строится двухэтажный магазин на углу Любинского проспекта (сов. ул. Ленина, 5). Магазин оптово-розничной торговли открылся 12 сентября 1900 года. Первый этаж и один верхний зал занимали отделы магазина, на верхнем этаже находилась квартира владелицы [2, с. 117]. Кроме собственного магазина-пассажа М. А. Шанина владела еще семью домами в Казачьем и Мокринском форштате. В 1908 году ею были приобретены дома купчихи Ф. М. Чириковой, которые и рассматриваются в рамках комплексной застройки в данной статье (рис. 1).

Исследуемые объекты представляют историческую ценность и как носители характерных черт и элементов определенного архитектурного стиля: до реконструкции 1910 г. — *отечественной эклектики второй половины XIX века, основанной на методе «свободного выбора» исторических стилей в их свободном сочетании.* Это подтверждают фотоснимки фасадов зданий до реконструкции, включавших в

Рис. 1. Дом М.А. Шаниной (бывшие дома Ф.М. Чириковой) на Любинском проспекте. Кон. 1890-х–серед. 1910-х. Дореволюционное фото

Рис. 2. Восточная сторона Любинского проспекта со стороны магазина-пассажа М. А. Шаниной. Кон. XIX–нач. XX вв. Дореволюционное фото

Рис. 3. Восточная сторона Любинского проспекта со стороны р. Оми. Кон. XIX–нач. XX вв. Дореволюционное фото

Рис. 4. Вид Любинского проспекта с нагорной части. Кон. XIX–нач. XX вв. Дореволюционное фото

себя элементы различных исторических стилей: Ренессанса, барокко, раннего классицизма. После реконструкции в центральной и левой части объединенного фасада зданий отмечается развитие *ретроспективной классицистической линии модерна начала XX века.* Особенностью данной стилевой вариации явилось гармоничное соединение элементов стилевых систем классицизма и модерна (ранней и поздней модификаций).

Градостроительная ценность архитектурного объекта обусловливается его связью с исторической планировкой города, непосредственным формированием в конце XIX — нач. XX веков ансамбля Любинского проспекта, сомасштабностью комплекса зданий с исторической застройкой главной улицы города. При активном строительстве на восточной стороне проспекта реконструируются торговые дома купчихи Ф. М. Чириковой (арх. И. Г. Хворинов (?); 1890 — 1900-е) изначально повышается их этажность, появляется высотный акцент в виде восьмигранного купола, определявший значимость объекта до последующей реконструкции 1910 года. Вместе с куполами углового пассажа М. А. Шаниной он задавал своеобразный силуэт и высотную красную линию восточной стороне улицы (рис. 2 — 3). Эти высотные объемы корреспондировали мощным куполам монументальных зданий западной линии проспекта — Московских торговых рядов и торгового дома Овсянниковых — Ганшиных и участвовали в формировании общей панорамы улицы (рис. 4). Утрата купола исследуемого объекта нарушила силуэтность восточной части Любинского проспекта.

Архитектурно-эстетическая ценность памятника, как правило, характеризуется качеством, отличающим его от рядовых построек. Исследуемый комплекс зданий, претендует на роль нерядового объекта, а до его реконструкции 1910 года — на довольно значимое произведение архитектуры с точки зрения архитектурно-образного решения его объема. Исследуемый объект обладал и, после частичного изменения стилевой характеристики в 1910 году, продолжает обладать особыми эстетическими качествами, отражающими стилевые трансформации архитектуры торговых зданий при стабильности их функционального назначения. В художественно-образном решении его фасадов сосредоточены завоевания поздней архитектурной эклектики и ретроспективной классицистической линии модерна начала XX века.

Датировки. Атрибуции. Принятые датировки объекта: вторая половина 1870-х гг., 1890-е гг., нач. XX в. поступательно воспроизводят историю стилистических изменений фасадов комплекса на протяжении почти четырех десятилетий.

Датировка *«вторая половина 1870-х годов»* фиксирует появление одноэтажных кирпичных лавок, выходивших фасадами на восточную линию будущего Любинского проспекта, и развитие дворовых построек в сторону улицы Яцкинской (сов. ул. Бударина). Стилистическую окраску фасадов зданий этого периода можно лишь предполагать по аналогии с фасадами одноэтажных магазинов на фотографии, датируемой 1895 годом, восточной стороны Любинского проспекта [2, с. 187]. А именно: «деликатная эклектика», привнесенная на местную почву в качестве архитектурной новации столиц архитектором Э. И. Эзетом, прибывшим в Омск из Санкт-Петербурга. В 1870-х годах он много строит, в частности, на территории упраздненной эспланады и на восточной стороне формирующейся главной улицы Омска. Воспитанник императорской Санкт-Петербургской академии художеств Э. И. Эзет до вступления в должность Омского городового архитектора состоял в ведении своего академического наставника — архитектора Высочайшего Двора А. И. Штакеншнейдера. Помощник для составления и черчения различных рисунков и шаблонов, Э. И. Эзет принимал «личное участие» в сооружении некоторых дворцовых построек по проектам А. И. Штакеншнейдера. За «усердие и труды» при возведении церкви на Собственной императорской даче в Петергофе Эзет был награжден в 1861 году бриллиантовым перстнем, а за «черчение и практические занятия» при строительстве дворца великого князя Михаила Николаевича в Петербурге — подарком в 250 рублей (1862) [3, с. 50].

Датировка *«1890–1900-е годы»* является временем перестройки одноэтажных лавок в двухэтажный объем с единым фасадом. По формальным признакам — пластике объемов и фасадов, отличительным деталям — памятник можно отнести к авторским работам омского архитектора, гражданского инженера Илиодора Геннадьевича Хворинова. В эти годы зодчий возводит на Любинском проспекте и в ближайшем соседстве несколько крупных объектов: угловой торговый дом М. А. Шаниной (1898), на месте пересечения Любинского и Санниковского проспектов гостиницу «Россия» (1905 — 1906) и в нагор-

ной части улицы, на Базарной площади, городской театр (1901 – 1905).

Для всех перечисленных зданий характерна тенденция соединения мотивов разных стилей и, как следствие, повышенная декоративность. «Деликатная» эклектика 1870-х годов архитектора Э. И. Эзета уступила место пышному эклектизму архитектора И. Г. Хворинова. К началу XX века центральная улица Омска — Любинский проспект — будет застроена торговыми зданиями, где «украшательство» фасадов с использованием разновременных исторических «цитат» станет повсеместным. Именно в этом направлении в конце 1890-х и в 1900-е годы вел поиск новых для провинции средств эстетической выразительности гражданский инженер И. Г. Хворинов. Как бывший архитектор Нижегородской ярмарки, он имел хорошо усвоенное на купеческом рынке понимание интересов торговли — необычный фасад здания должен был стать своеобразной рекламой, притягивающей взоры потенциальных покупателей. Отметим, что разнохарактерные по своим функциям здания несут на себе печать творческого почерка одного мастера — Илиодора Геннадьевича Хворинова, а именно:

— умение вписаться в сложную конфигурацию участка;

— создание объемов с усложненной формой крыш;

— формирование выразительного силуэта построек с высотными визуальными доминантами в виде куполов и башен;

— предпочтение в объемах куполов французского типа;

— отсутствие в композиции здания четкой иерархии главных и второстепенных элементов;

— отношение к ордеру не как к конструктивному элементу, а как одному из составляющих украшения фасада;

— характерная дробность и измельченность форм в композиции фасадов;

— перегруженность фасадов деталями и их пластическая равнозначность;

— барочная доминанта при использовании элементов и форм других исторических стилей;

— излюбленные мотивы пластического декора: балюстрады, вазоны, гирлянды, растительные мотивы, в том числе побеги аканта.

С 1894 года И. Г. Хворинов — один из видных омских архитекторов, чиновник особых поручений по дорожным и строительным частям при Степном генерал-губернаторе, член-сотрудник Географического общества, агент Северного страхового общества, участник архитектурных конкурсов: победитель конкурса на проект городского театра в Омске (1899).

История строительства и реконструкции домов владелицы Ф. М. Чириковой (позднее М. А. Шаниной), находящихся в составе «торговых рядов» на восточной стороне Любинского проспекта, отразила преобразование его архитектурного облика в силу стилевых предпочтений своего времени. В конце 1890-х – 1900-е годы два объема получают дополнительный этаж и объединяются на уровне второго единым фасадом. Как позволяют судить сохранившиеся фотографии, в нижнем ярусе зданий организуется проездная арка, над которой выстраивается пластически активный эркер, увенчанный восьмигранным чешуйчатым куполом с лантерной и шпилем. Конструктивные элементы эркера — сдвоенные колонны и пристенные полуколонны ионического ордера с массивными опорами на модульонах, имеющих барочный растительный узор. По длине здания — надкарнизная балюстрада с пышными вазонами; карниз — многоступенчатый, профилированный. Наличники оконных проемов с лучковыми перемычками декорированы затейливой, измельченного характера, лепниной. Их вертикальные стороны фланкированы плоскими боковинами с желобками и завершены сандриками на модульонах. Под полочкой сандрика — лепная композиция с картушом в вершине и симметричными гирляндами из листьев аканта. Межоконное пространство заполнено фигурными барочными филенками; в подоконном поясе в створе окон — мелкие детали из арсенала классической архитектуры. Ренессанс заявляет о себе в ярусном делении фасада на этажи. Общая стилевая характеристика здания выражалась в эклектической окраске фасадов. Пластика стеновой поверхности выполнена в русле характерных приемов и излюбленных мотивов И. Г. Хворинова. Ордер — главный акцент фасада, все-таки «хрупок», особенно в сравнении с его массивными опорами; полуколонны среди деталей эркера выглядят декоративными. Лепные элементы сандриков маловыразительны, так как в них утеряны сочность и звучность барокко. Но нужно отдать должное архитектору: общим для всей композиции фасадов остается соподчинение частей целому, чему способствует центральная часть здания с эркером, увенчанным куполом с лантерной.

Датировка «*1910-е годы*» является временем последующей реконструкции комплекса зданий, принадлежавших уже к тому времени М. А. Шаниной. В разных источниках даты реконструкции различны: 1912 – 1915 годы — исторические изыскания к проекту «Омск. Регенерация центральной части».[5] 1914 год — паспорт Инспекции по охране памятников ГУК Администрации Омской области. Наиболее поздняя атрибуция — 1910 год.[6]

Итак, до середины 1910-х два дома (сов. ул. Ленина, №№ 11 – 13), составлявшие единый комплекс и имевшие общность стилевой характеристики условно «отделились» друг от друга и обрели различный художественно-образный строй (рис. 5). Перестройка коснулась центральной и левой части главного фасада комплекса, т.е. дома № 11. К нему же стал относиться и некогда объединивший два здания переход с пышно декорированным балконом, перестроенным из эркера. Восьмигранный купол, являвшийся высотным акцентом восточной стороны Любинского проспекта, сдвоенные колонны и пристенные полуколонны были разобраны. В связи с созданием нового облика дома № 11 исчезла также надкарнизная балюстрада с вазонами, затейливая лепнина наличников оконных проемов и их лучковые перемычки. Подверглась переделке и конструктивная часть здания — были выполнены железобетонные своды Монье, и верхняя отметка междуэтажного перекрытия поднялась. Фасадная часть дома № 13 осталась неизменной, сохранив эклектическую ткань стеновой поверхности. Гораздо позднее, в 1960-е годы были растесаны оконные проемы первого этажа и расширен торговый зал. Время утраты балюстрады и вазонов не установлены.

Принадлежность памятника к определенному архитектурному стилю. В Омске поздний модерн заявил о себе ретроспективной классицистической линией в 1910-е годы. Особенностью построек данной модификации стиля явилось довольно гармоничное соединение двух стилевых систем модерна и

Рис. 5. Дом М. А. Шаниной (бывшие дома Ф. М. Чириковой) на Любинском проспекте. 1910. Современное фото

Рис. 6. Дом М. А. Шаниной (бывшие дома Ф. М. Чириковой) на Любинском проспекте. 1910. Фрагмент. Современное фото

классицизма. При этом отмечается «умеренность» в пластике: отказ от преувеличений, характерных для провинции. Рафинированность, имеющая место в облике деталей некоторых омских памятников, отличает провинциальную ретроспективную линию модерна 1910-х годов. Исследуемый памятник отражает стилевые трансформации в архитектуре объединенных торговых зданий. В художественно-образном решении его фасада соединены архитектура поздней эклектики и ретроспективной классицистической линией модерна.

Предпринятая в 1910-е годы перепланировка дома № 11 определила новое членение его стеновой поверхности, которое соответствовало функциональным зонам, организованным по композиционному принципу модерна. В соответствии с этим уменьшилось количество окон и увеличились их размеры. Фасад здания № 11 обрел черты «нового стиля» в его поздней трактовке. Рациональная компоновка масс характерно проявилась двумя прямоугольными пилонами-ризалитами в три этажа со строгим П-образным абрисом и двухэтажной частью между ними, завершенной простейшей аттиковой стенкой. Асимметрия простого объема, характерная для модерна, была достигнута наличием балкона, энергично выдвинутого из плоскости фасада с его правой стороны, а также разновеликостью и разнообразием формы проемов в пилонированных частях здания. В итоге полностью изменилось общее представление о здании с определенной функцией в сплошной «строке» торгового ряда. Но активно выявленный рациональный строй позднего модерна скромно оттеняет декоративные классицистические элементы: сандрики над окнами второго этажа, едва заметные фронтоны над входными проемами первого, изящные гирлянды в ризалитах. Лопатки центральной части аттика и стен можно отнести как к проявлению классического ордера, так и к конструктивному элементу рациональной архитектуры, как, впрочем, и пластический мотив из нескольких пересекающихся колец, который корреспондирует и к классическому декору, и к орнаментике модерна (рис. 6). О раннем модерне напоминает плавно очерченное окно в виде стилизованной раковины над входной дверью из «словаря» природных форм «нового стиля». Современная рационалистическая тенденция соединилась с классицистической для придания зданию № 11 совершенно нового облика, решив проблему его гармоничного сочетания с неизмененным фасадом дома № 13. Новая стилевая окраска здания не нарушила архитектурную ткань ансамбля Любинского проспекта. В этом проявилась

универсальность ретроспективной классицистической линии позднего модерна в Омске. Вопрос об авторе последней реконструкции остается открытым.

Особые архитектурно-строительные элементы. Имеющие место сводчатые кирпичные перекрытия, опирающиеся на балки из стального проката, и своды Монье являются характерными конструктивными решениями для построек конца XIX — начала XX веков. Они должны являться предметом охраны, как исторически ценные фрагменты конструкций здания.

В заключение следует подчеркнуть, что значимость объекта культурного наследия в омской архитектуре определяется его обширной историей бытования, связанной, в том числе, с именами крупнейших архитекторов Омска — Э. И. Эзета и И. Г. Хворинова, а также его изначальным статусом — промежуточной высотной доминанты Любинского проспекта. Это должно вызывать интерес современных владельцев комплекса зданий к его истории, желание воссоздать утраченный восьмигранный купол и, тем самым, восстановить исторический силуэтный абрис восточной части Любинского проспекта.

Примечания

[1] Паспорт на памятник. Министерство культуры Омской области. Дата и номера охранных документов: №№ 182 и 183 от 24.07.96; № 175 от 27.06.96.

[2] Сведения из плана г. Омска. 1917.

[3] Списки абонентов Омской телеграфной сети на 1925—1926; 1930 гг. Сведения из паспорта на памятник.

[4] Личное свидетельство автора статьи, посещавшей семьи Агранович и Молоковых.

[5] Институт «Спецпроектреставрация». Томск.

[6] Архив ООО «Строймир». Историческая справка к эскизному проекту приспособления здания для современного использования. Автор Ж. М. Хахаева.

Библиографический список

1. Дегтярев, П. С. Торгово-промышленный адрес-календарь города Омска (Акмолинской области), 1903 г. / П. С. Дегтярев. — Год изд. 1-й. — Омск : «Скоропечатня» Ек. Дм. Сунгуровой, 1902. — 107 с.

2. Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий / Под редакцией П. П. Вибе. — Омск, 2001. — 292 с.

3. Гуменюк, А. Н. Архитектор-эклектик Эзет: на пути к «новому стилю». (Процессы стилеобразования в архитектуре Омска) / А. Н. Гуменюк // Модерн: взгляд из провинции : сб. докл. науч.-практ. конф. (16—18 марта 1994 г.). — Челябинск. 1995. — С. 49—56.

ГУМЕНЮК Алла Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент (Россия), профессор кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии», заслуженный работник культуры РФ.
Адрес для переписки: gumenyuk-alla@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2013 г.
© А. Н. Гуменюк

УДК 72.03:930 (571.1)

И. В. ЛЯЛИКОВ

Омский государственный технический университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ г. ТАРЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

В статье анализируются труды исследователей об архитектурно-градостроительном развитии Тары в XVIII—нач. XX вв. Автором рассмотрены дореволюционные, советские и современные источники. Выявлены сильные стороны и проблематика изучения архитектуры города Тары.

Ключевые слова: историография, малый город, архитектурно-градостроительное развитие, труды исследователей.

Малые города — особая категория населенных пунктов, находящихся на стыке городской и сельской жизни. В настоящее время наблюдается рост интереса к их изучению как культурных объектов. Это обусловлено необходимостью их сохранения, а также определенной самобытностью. В нашем исследовании предстоит обратиться к историографии Тары, некогда важного населенного пункта Западной Сибири. Цель работы — изучение архитектурно-градостроительного развития города в период XVIII — нач. XX вв.

Большая часть **дореволюционной литературы (XVIII—начала XX вв.)**, в которой упоминалось о Таре, концентрировалась лишь на эмпирических характеристиках и редко прибегала к аналитике. Упоминания о застройке, наличии промышленных и торговых заведений часто носили лишь описательный характер. Однако и такие данные позволили судить о социально-экономическом и, отчасти, архитектурном портрете Тары того периода. Степень «зрелости» дореволюционных источников имела различные оценки современных исследователей.

Д. Я. Резун, рассуждая о сибирской урбанистике, говорил, что на рубеже XIX — XX вв. на местах «сложился значительный круг лиц, обладавших историческим образованием», выпускались тематические сборники, «до сих пор не потерявшие своего научного значения» [1]. В свою очередь, Н. М. Дмитриенко писала о «малой изученности» дореволюционных капиталистических городов Сибири ввиду «слабого уровня историографии, узости проблематики и слабой фактологической базы» [2]. Вторая точка зрения представляется автору более убедительной, поскольку данные сведения публиковались прежде всего в периодических, географических или других изданиях, соответствовавших той или иной государственной задаче; о наличии теоретических исследований архитектурного облика Тары в тот период судить достаточно сложно.

В начале XVIII в. появляются источники, содержащие графическую информацию об облике острогов, храмов и жилых построек на территории Западной Сибири. Яркие примеры — «Чертежная книга Сибири» (1701 г.), а также «Хорографическая книга Сибири» (1711 г.) С. У. Ремезова, по сути, первые географические атласы в новейшей российской истории. «Чертежная книга» состоит из 23 широкоформатных карт с детальной прорисовкой известных на тот момент объектов. Лист «Г» со схематическим изображением Тары являлся первой подробной градостроительной схемой населенного пункта, воспроизводившей архитектурный облик крепостных сооружений и гражданских построек [3]. Создание ряда фиксационных схем продолжалось и далее, что подтверждают опубликованные архивные документы середины XVIII в. [4].

Разрозненные сведения о городе активно публиковались начиная со второй половины XVIII в. в разного рода географических описаниях. Примером может служить «Описание Тобольского наместничества», составленное в 1789 — 1790 гг. и содержавшее сведения о хозяйственном развитии городов и уездов Западной Сибири. В этой книге, переизданной в советское время, можно найти краткую характеристику Тары с описанием геометрической формы градоструктуры и данными о размерах кварталов, сведения о наличии церквей и казенных учреждений. В работе присутствовало подробное описание четырех административных частей, на которые делился город, уточнялись параметры некоторых городских построек, как культовых, так и гражданских [5].

Некоторые сведения содержались и в трудах путешественников, посещавших Сибирь. Г. Ф. Миллер в «Описании Сибирского царства» 1750 г. привел сведения о закладке Тарского острога [6]; П. С. Паллас говорил о «возрастающем» по новому плану городе с пятью церквами [7]; о северном форпосте упоминали в своих работах А. Н. Радищев, И. П. Фальк и другие исследователи.

«Статистическое обозрение Сибири» 1810 г. в предельно скупых цифрах и характеристиках также затронуло тему уездной Тары — в описании перечислялись существовавшие постройки, приводились обмеры городской территории [8]. Подобные краткие характеристики встречались и в иных обозрениях первой половины XIX в.

Первым обобщающим трудом, посвященным сибирским городам, можно назвать работу П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». Помимо историко-философской составляющей она впервые затрагивала региональные особенности развития тех или иных населенных пунктов. Описание развития Тары в период с 1742 по 1823 гг. включало в т.ч. и сведения о количестве зданий, особенностях планировки, городского пространства, а также данные об уезде. При скудности характеристики тарского городского поселения и ее описательном характере, стоит отметить первую попытку представить целостный анализ города во взаимодействии различных факторов [9].

Попытка создания дореволюционной историографии городов Сибири принадлежала также Г. Н. Потанину. В статье «Города Сибири» приведены достаточно интересные ретроспекции развития крупных сибирских центров, однако малые города в описании затронуты не были. Автор поддерживал разделение городов на «буржуазные» (торгово-промышленные) и «бюрократические» (административные), предложенное С. В. Максимовым, подчеркивал просветительскую функцию городов в развитии края [10]. Хотя работа и не затрагивала Тару напрямую, данная классификация важна для понимания портрета города начала XX в. По мнению автора статьи, ее стоит отнести к первому типу.

Оживление научной жизни заставило историков и краеведов обратиться к исследуемым нами малым городам. Начиная со второй половины XIX в., информация о каждом из них, пусть краткая, стала регулярно появляться в различных периодических изданиях, отчетах, сборниках. Тара, Тюкалинск и Ялуторовск неоднократно упоминались на страницах «Памятных книжек Тобольской губернии» разных лет [11], в которых содержалась актуальная на тот момент информация о количестве населения, зданий и сооружений, заводов, различных учреждений в губернских городах. Сведения в подобных справочниках иллюстрировали социально-экономическую ситуацию, с их помощью можно было судить об общем развитии населенного пункта, наличии тех или иных строений. Вопросы архитектуры и градостроительства напрямую не затрагивались — однако присутствовали количественные характеристики застройки, сведения о казенных и религиозных заведениях, промышленных предприятиях. В «Справочной книге Омской Епархии» была опубликована краткая статья о Таре с описаниями местных храмов [12].

Стоит отметить некоторую разрозненность работ дореволюционных авторов и их прикладную направленность. Культура города Тары так и не была выделена в самостоятельное исследование. Тем не менее за два с небольшим столетия был накоплен обширный материал. Указанные источники легли в основу последующего изучения архитектуры Сибири научным сообществом.

Советский период (1917–1991 гг.) в историографии Тары стоит отметить как неоднородный и разделить на несколько этапов. На первом этапе (1920-е — 1940-е гг.) исследования были крайне скудны и идеологизированы, что обуславливалось ротацией исследовательских кадров и недостаточным вниманием исследователей к местной специфике. Монография Р. М. Кабо содержала обобщения по дореволюционной историографии, а также вывод о Таре как о «застойном городе» [13]. Попытками воссоздать облик городской среды Тары стали популярные работы М. К. Иоффе (Юрасовой), где приводилась достаточно скромная информация о дореволюционном периоде на основе общеизвестных сведений [14, 15].

Для второго этапа (1950—1970-е гг.) характерна дифференциация направлений изучения сибирского города. Стоит отметить развитие историко-архитектурного направления и определенные успехи его представителей. Немалая роль в данном процессе принадлежала крупному исследователю архитектуры В. И. Кочедамову. В своей работе «Первые русские города Сибири» автор дал подробную реконструкцию крепостей (острогов) и градоструктур многих населенных пунктов начиная от XVI в. и до середины XVIII в. В книге представлено градостроительное развитие Тары, графический материал был ограничен схемой из «Чертежной книги Сибири» и анализом нескольких дорегулярных планов. В отличие от других рассматриваемых населенных пунктов, авторские реконструкции тарского кремля и острога в книге не приведены [16]. Об активизации исследований сибирских городов говорит выход ряда сборников [17, 18].

Третий этап (1980-е гг.) характеризуется устойчивым ростом интереса к формированию архитектурного облика населенных пунктов Западной Сибири. В монографии Б. И. Оглы говорится о композиционных изменениях городских центров [19]; определенный интерес представляет обобщающая работа А. Д. Колесникова [20]. Помимо указанных источников в 1980-е гг. в рамках популяризации Омского региона появилось несколько рекламных изданий, посвященных памятным местам города.

Стоит отметить, что в советский период исследования облика городской среды Тары проводились более системно, нежели ранее. Хотя можно говорить о некоторой фрагментарности знания, о большем внимании к социально-экономическому развитию города, нежели к культурному — тем не менее именно в данный период начало складываться его целостное восприятие. Настоящий прогресс в исследовании градостроительства, а также исторической застройки пришелся на последующий временной отрезок.

Современный период (1990–2000-е гг.) в изучении историко-архитектурного наследия Тары демонстрирует максимальное количество исследований на архитектурно-градостроительную тематику. В 1990-х гг. началась систематизация обширного материала по истории Тары, накопленного за предыдущие десятилетия. Множество работ было приурочено к 400-летнему юбилею города [21, 22]. В 1994 г. группой авторов была издана книга «Тарская мозаика». Работа построена как сборник исторических очерков, затрагивающих прежде всего социально-экономическое и общественное развитие города. Но авторы не обошли вниманием и историю градостроительства Тары и наиболее значимых историко-архитектурных памятников. В частности, интерес представляет публикация городских планов XVIII в. [23].

Необходимо отметить упоминание Тары в фундаментальных работах по русскому градостроительству. В книгах, изданных под редакцией Н. Ф. Гуляницкого среди прочего приведен краткий анализ дорегулярной и регулярной планов города XVIII в., опубликованы некоторые архивные документы [4, 24].

Значительная работа по упорядочению сведений о памятниках Тары проведена сотрудниками Омского историко-краеведческого музея под руководством П.П. Вибе. Им же изданы статьи по данной тематике [25].

Монография Д. А. Алисова о культуре городов Среднего Приртышья интересна сопоставительным анализом экономического и социокультурного развития Тары и Тюкалинска. Историографическая основа работы и ссылки на большое количество источников (в т.ч. архивных) позволили сделать вывод о степени проработки данной темы научным сообществом. Приведены и данные по градостроительству, в т.ч о количестве и названиях городских улиц, площадей, иных объектов инфраструктуры с краткими пояснениями. Тара характеризовалась как «добротный уездный город средней руки» [26].

Значительный вклад в исследования культурного облика Тары внесли историко-краеведческие конференции памяти А.В. Ваганова, в сборники которых вошло множество статей местных исследователей — А. А. Жирова, Е. А. Стоговой, Е. И. Кудряшовой. Ряд статей А. А. Жирова посвящен историко-архитектурному наследию города, реконструкции утраченных памятников [27]. В работе Е. А. Стоговой увидел свет «Росписной список» укреплений г. Тары, позволявший в значительной мере воссоздать вид и габариты кремля и острога начала XVIII в. [28]. В статьях Е. И. Кудряшовой рассмотрены отдельные памятники, а также группы зданий в контексте городской застройки. В частности, автором поднят вопрос об ансамблевости застройки, хотя и не выделено ее основных признаков [29].

Городским культовым постройкам посвящено несколько разделов в монографии «Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья» Н. И. Лебедевой. Автором приведены документальные описания храмов Тары, как действующих (Спасская церковь), так и ныне разрушенных. Однако их анализ близок скорее к историко-статистическому, нежели к стилистическому. Значительное внимание уделено наличию определенных архитектурных деталей и их количественным характеристикам [30]. Развитие данной темы получило в статье, опубликованной в XVI томе альманаха «Тобольск и вся Сибирь. Тара» [31].

Историческое исследование Н. Я. Носковой — «На старых улочках Тары», в «экскурсионном формате» воссоздает культурный облик Тары начала XX в., прослеживает историю отдельных улиц и зданий в советский и постсоветский периоды [32].

Тематика деревянного зодчества Тары раскрывается в работах Л. В. Чуйко. Автореферат диссертации интересен сравнительным анализом декоративной резьбы Омска и Тары. В качестве главных факторов формирования и развития деревянной архитектуры названы русская народная традиция, архитектура «больших стилей» и искусство местных народов. Художественно-образный строй декора зданий определялся как «деревянный позумент». В работе выделены особенности тарской домовой резьбы, связанные с использованием определенных декоративных деталей [33]. Результаты исследования были использованы автором при написании монографии [34].

Ю. М. Гончаров и А. Р. Ивонин попытались воссоздать целостную картину дореволюционной жизни города. Авторами предложен собственный вариант тарской историографии. Помимо этого, затронуты вопросы градостроительства и благоустройства, история постройки и бытования множества зданий. Однако в работе имеют место неточности, в частности, невнимательное отношение к градостроительным документам XVIII в., которые названы только «фиксационными или ситуационными» [35].

Работы А. Н. Гуменюк посвящены стилистическим особенностям архитектуры города. В част-

ности, автор раскрывает использование приемов и форм «сибирского барокко» в контексте построек поздней эклектики конца XIX — начала XX вв. [36].

Попыткой создать комплексный труд, раскрывающий социокультурный облик северного города стал том № 16 «Тара» альманаха «Тобольск и вся Сибирь», существующий пока только в электронной версии. В него вошли в т.ч. и статьи по истории и архитектуре города, в частности, вышеупомянутая работа Н. И. Лебедевой [31].

Стоит отметить, что появление информации о развитии Тары, формировании ее архитектурного облика шло крайне неравномерно. Дореволюционный период представлен накоплением эмпирических знаний и небольшими обобщениями по социально-экономическому облику города. Положительной стороной стало возникновение графического материала, позволявшего судить о градостроительном развитии, типологии сооружений. Советский этап характеризуется обобщающими трудами по дореволюционной историографии. Исследовательская деятельность разделилась на несколько направлений, в т.ч. историко-архитектурное. Начиная с 1980-х гг. непрерывно рос интерес к изучению региональной самобытности, в т.ч. к тарской архитектуре. Современный этап изучения источников о Таре характеризуется появлением аналитических статей, в т.ч. искусствоведческой направленности. Множество работ было посвящено отдельным историческим памятникам. К 2000-му и началу 2010-х гг. относятся попытки обобщающих трудов по самым различным направлениям, начиная от тематики тарских церквей и заканчивая комплексным воссозданием всего процесса исторического развития города. Но стоит отметить, что появление комплексного труда по градостроительству и архитектуре древнего сибирского города — вопрос будущего.

Библиографический список

1. Резун, Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII — XX вв. / Д. Я. Резун // Городская культура Сибири: история и современность. — Омск, 1997. — С. 16 — 32.

2. Дмитриенко, Н. М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма / Н. М. Дмитриенко // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. — Томск, 1985. — С. 98 — 109.

3. Ремезов, С. У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году / С. У. Ремезов. — СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1882. Факс. изд. — М. : Картография, 2003. — 49 с.

4. Градостроительство Московского государства XVI — XVII веков / Под ред. Н. Ф. Гуляницкого. — М. : Стройиздат, 1994. — С. 131.

5. Колесников, А. Д. Описание Тобольского наместничества / А. Д. Колесников. — Новосибирск : Наука, 1982. — 318 с.

6. Миллер, Г.Ф. Описание Сибирскаго царства. В 2 кн. Кн. 1 / Г. Ф. Миллер. — СПб., 1750, — С. 134, 225, 260 — 281.

7. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. В 3 ч., в 5 кн. Ч. 3, кн. 2. / П. С. Паллас. — — СПб. : при Имп. акад. наук, 1788. — С. 13.

8. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. — СПб., 1810. — С. 285 — 286.

9. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири. В 2 кн. Кн. 2 / П. А. Словцов. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1886. — С. 64 — 65.

10. Потанин, Г. Н. Города Сибири / Г. Н. Потанин // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. — С. 234 — 259.

11. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год. — Тобольск, 1860. — 225 с.

Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. — 455 с.

Памятная книжка для Тобольской губернии на 1884 год. — Тобольск, 1884. — 514 с.

12. Голошубин, И. Справочная книга Омской епархии / И. Голошубин. — Омск : Иртыш, 1914. — С. 761 — 769.

13. Кабо, Р. М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII—первая половина XIX вв.) / Р. М. Кабо. — М., 1949. — 225 с.

14. Иоффе, М. К. Тара: К 350-летию основания / М. К. Иоффе. — Омск, 1945. — 38 с.

15. Юрасова, М. К. Город над Иртышом / М. К. Юрасова. — Омск, 1953. — 116 с.

16. Кочедамов, В. И. Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. — М. : Стройиздат, 1978. — С. 87.

17. Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма / Под ред. О. Н. Вилкова. — Новосибирск, 1978. — 336 с.

18. Сибирские города XVII — начала XX века / Под ред. О. Н. Вилкова. — Новосибирск, 1981. — 224 с.

19. Оглы, Б. И. Строительство городов Сибири / Б. И. Оглы — Л., 1980. — 271 с.

20. Колесников, А. Д. Памятники и памятные места Омска и области / А. Д. Колесников. — Омск, 1987. — 160 с.

21. Маслов, Н. Тара: к 400-летию основания города / Н. Маслов. — Омск, 1994. — 160 с.

22. Таре 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири : материалы науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. История и краеведение. Тара и города Сибири и России. Ч. 2. Археология и этнография. География и экология. — Омск, 1994. — 101 с.

23. Тарская мозаика. История края в очерках и документах. 1594 — 1917 гг. — Омск, 1994. — 199 с.

24. Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII — первой половины XIX веков / Под ред. Н. Ф. Гуляницкого. — М. : Стройиздат, 1998. — С. 399 — 401.

25. Вибе, П. П. О подготовке свода памятников истории и культуры Омской области / П. П. Вибе, Т. К. Вибе // Известия ОГИК музея. — Омск, 2000. — № 8. — С. 7 — 42.

26. Алисов, Д. А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX — начале XX вв. / Д. А. Алисов — Омск, 2001. — 200 с.

27. Жиров, А. А. Исчезнувшие исторические памятники, отражавшие былую мощь экономически активной части населения Тарского Прииртышья / А. А. Жиров // Проблемы сохранения исторического наследия Тарского Прииртышья : материалы историко-краеведческой конф, посвящ. памяти А. В. Ваганова. 26 — 27 марта 2002 года / Омск. гос. пед. ун-т. — Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 31 — 34.

28. Стогова, Е. А. Новые материалы к истории города Тары: росписной список укреплений 1702 года / Е. А. Стогова // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья : материалы V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова, 25 — 26 марта 2010 года. — Тара, 2010. — С. 187 — 189.

29. Кудряшова, Е. И. Архитектурный комплекс Базарной площади Тары: общественные здания и сооружения рубежа XIX — XX вв. / Е. И. Кудряшова // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья : материалы V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова, 25 — 26 марта 2010 года. — Тара, 2010. — С. 217 — 221.

30. Лебедева, Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья / Н. И. Лебедева. — Омск : Изд-во ОмГПУ : ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. — С. 44 — 49, 63 — 64, 115 — 116.

31. Лебедева, Н. И. Тарские фрегаты // Тобольск и вся Сибирь. — Тобольск, 2012. — № 16. Тара. — С. 143 — 160 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tobolsk.org/ (дата обращения: 10.12.2013).

32. Носкова, В. Н. На старых улочках Тары / В. Н. Носкова. — Тара, 2004. — 49 с.

33. Чуйко, Л. В. Резной декор деревянной архитектуры городов Западной Сибири конца XIX — второй половины XX веков (На материалах Омска и Тары) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Л. В. Чуйко. — М., 2000. — 19 с.

34. Чуйко, Л. Н. Резной декор деревянной архитектуры: Омск и Тара, конец XIX — вторая половина XX в. : моногр. / Л. В. Чуйко. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Наука, 2005. — 295 с.

35. Гончаров, Ю. М. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. / Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивонин. — Барнаул : Аз Бука, 2006. — 188 с.

36. Гуменюк, А. Н. Стилистические признаки «сибирского барокко» в архитектуре г. Тары в конце XIX века (К вопросу изучения памятников культуры малых исторических городов) / А. Н. Гуменюк // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. — 2009. — № 4. — С. 91 — 96.

ЛЯЛИКОВ Илья Витальевич, аспирант кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии».
Адрес для переписки: illuzion_@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2013 г.
© И. В. Ляликов

УДК 72 (571.13)

А. Н. ГУМЕНЮК
И. В. ЛЯЛИКОВ

Омский государственный технический университет

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ г. ТАРЫ XVIII—НАЧАЛА XX вв. КАТАЛОГ

В статье опубликован систематизированный по типологическому принципу научный каталог памятников архитектуры города Тары. Информация о каждом здании сгруппирована в отдельный блок, включающий краткие сведения из архивных, библиографических и других источников, а также стилистическую характеристику, принятую на основе анализа натурного материала.

Ключевые слова: памятники архитектуры, «сибирское барокко», классицизм, эклектика, каталог.

Значимость архитектурного наследия малого сибирского города Тары, основанного князем Андреем Елецким в 1594 году, повышается в связи с общими нарастающими темпами урбанизации и тем самым реальной возможностью утратить часть исторической застройки. В Таре на данный момент наряду со Спасским собором, памятником федерального значения, сохранились объекты историко-культурного наследия, составляющие преимущественно рядовую застройку и формирующие образ старинного купеческого города. Недостаточная степень изученности памятников архитектуры с точки зрения классического искусствоведения вызвала необходимость составления научного каталога, основанного на фотофиксации объектов, анализе сохранившихся образцов архитектурной графики, библиографических, архивных и документальных источников. Комплексный подход в изучении памятников позволил на данный момент решить ряд искусствоведческих задач: определить стилистические характеристики зданий, предложить новые и уточнить имеющиеся датировки, в одном случае подтвердить, в другом — атрибуировать авторство постройки. Следующий этап в изучении тарского наследия в формате искусствоведческой науки — создание общей картины стилистической эволюции архитектуры Тары XVIII — начала XX вв., определение специфических особенностей и выявление устойчивых черт, характеризующих самобытность старинного города.

В научном каталоге, выполненном в настоящей публикации по краткой форме, представлены характеристики 49 зданий. В каталожном описании содержатся: название здания (в соответствии с имеющейся на него документацией), краткие сведения о нем, адрес, статус памятника (если он определен), дата постройки, имя архитектора (если оно известно), строительные материалы, стилистическая характеристика здания, его первоначальная функция, данные о реконструкции, ссылки на архивные источники. В конце каталога приведена библиография, использованная для его составления [1 — 5]. Перечень памятников сформирован на основании данных Министерства культуры Омской области (список объектов культурного наследия, находящихся на территории Тарского муниципального района). В каталог также введена информация о зданиях, визуально обладающих признаками памятников архитектуры.

КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ

1. Спасский собор

Каменное здание, имеющее трехчастную композицию «кораблем»: храм с апсидой, трапезная и притвор с колокольней (рис. 1)

Адрес: ул. Спасская, 46

Статус: памятник истории и культуры федерального значения; постановление Совета министров РСФСР № 624 от 04. 12. 1974 г.

Дата постройки: 1753 (1754?) — 1776 (1783?)

Рис. 1. Спасский собор. 1753 (1754?)–1776 (1783?). Фото 2010 г.

Рис. 2. Женская прогимназия. 1914. Фото 2010 г.

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Стиль: «сибирское барокко»

Первоначальная функция: храм

Реконструкция: часть деревянных оконных рам заменена на пластиковые

Архивы: ИсАОО. Ф. 437. Оп. 6. Д.498; Ф. 9. Оп. 1. Д. 294; ТФ ИсАОО. Ф. 156. Оп. 1753. Д. 69; Оп. 1764. Д. 146; Оп. 1773. Д. 168. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

КАЗЕННЫЕ ЗДАНИЯ

2. Здание уездного казначейства

Двухэтажное здание с первым каменным этажом и вторым деревянным (рубленым и обшитым тесом), с пристроенными сенями; прямоугольное в плане, внутренняя планировка смешанного типа (сочетание коридорной и анфиладной систем)

Адрес: ул. Спасская, 68 / ул. Советская, 9

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г.

Дата постройки: кон. XIX — нач. XX вв.

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Стиль: классицизирующая эклектика с элементами народной архитектуры

Первоначальная функция: общественное здание

Архивы: ИсАОО. Ф.408. Оп.1. Д.1; ТФ ИсАОО. Ф.9. Оп.1. Д.592. Л.2. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

3. Почтово-телеграфная контора

Двухэтажное деревянное (рубленое и обшитое тесом) здание на каменном фундаменте, с пристроенными в северо-восточной части дворового фасада двухэтажными сенями; прямоугольное в плане, внутренняя планировка смешанного типа (первый этаж — преобладание коридорной системы, второй — анфиладной)

Адрес: ул. Советская, 28

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кирпич, кровельное железо

Стиль: классицизирующая эклектика с элементами народной архитектуры

Первоначальная функция: общественное здание

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; Ф. 1289. Оп. 15. Д. 420. Л. 1; архив Тарского БТИ. Инв. № 1654. Кв. № 175. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

ЗДАНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

4. Уездное училище

Одноэтажное каменное здание; П-образное в плане

Адрес: ул. Спасская, 40 / ул. Дзержинского, 8

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: 1914 – 1916

Архитектор: гражданский инженер Андрей Дмитриевич Крячков

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль» в рамках рационального направления эклектики

Первоначальная функция: учебное здание

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

5. Женская прогимназия

Двухэтажное деревянное здание (рубленое и обшитое тесом); П-образное в плане (рис. 2)

Адрес: ул. Кирова, 7

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: 1914

Материал: дерево, кровельное железо

Стиль: поздний модерн (рациональный вариант)

Первоначальная функция: учебное здание

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

ЗДАНИЯ ТОРГОВЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

6. Магазин С. Д. Макарова

Одноэтажное каменное здание; прямоугольное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: ул. Александровская, 78 /ул. 40 лет ВЛКСМ, 18

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г.

Дата постройки: нач. XX в.

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Стиль: классицизирующая эклектика

Первоначальная функция: торговое здание

Архивы: ТФ ИсАОО. Ф. 545. Оп. 1. ДД. 1 – 14. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

7. Дом торговый Н. С. Ждановой

Одноэтажное каменное здание; прямоугольное в плане

Адрес: пл. Ленина, 1

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: между 1910 и 1914 (устный источник)

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Стиль: классицизирующая эклектика

Первоначальная функция: торговое здание

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

8. Дом торговый Н.К. Машинского

Одноэтажное каменное здание; прямоугольное в плане

Адрес: пл. Ленина, 2

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: кон. XIX — нач. XX вв.

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль» в рамках классицизирующей эклектики

Первоначальная функция: торговое здание

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

9. Дом торговый Волковых / Орлова

Двухэтажное каменное здание; прямоугольное в плане

Адрес: пл. Ленина, 8

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26. 06. 1980 г.

Дата постройки: посл. треть XIX в. (?)

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Стиль: классицизирующая эклектика

Первоначальная функция: торговое здание

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

10. Торговый дом (особняк) купца К. В. Балыкова

Двухэтажное каменное здание; прямоугольное в плане, внутренняя планировка смешанного типа (с преобладанием коридорной системы)

Адрес: пл. Ленина, 13

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 20.06.1980 г.

Дата постройки: 1906

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль» в рамках классицизирующей эклектики

Первоначальная функция: торговое и жилое здание

Архивы: ТФ ИсАОО. Ф. 31. Оп. 1. ДД. 1 — 89. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

ЖИЛЫЕ ЧАСТНЫЕ ДОМА

11. Доходный дом купца Рамма

Двухэтажное каменное здание; прямоугольное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: пл. Ленина, 5

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28. 05. 1989 г.

Дата постройки: 1915

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: «кирпичный стиль» в рамках классицизирующей эклектики

Реконструкции: заменена кровля и входные две-

Рис. 3. Особняк Я. А. Немчинова. Нач. XIX в. Фото 2010 г.

ри, выполнены новые декоративные завершения фигурного парапета и угловых парапетных столбиков

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; ТФ ИсАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 592. Л. 2; БТИ г. Тары. Инв. № 1328. Кв. 118, 119, 120. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

12. Особняк купца Машинского

Двухэтажное каменное здание, в южной и западной частях пристроены тесовые сени; прямоугольное в плане, внутренняя планировка смешанного типа с преобладанием коридорной системы

Адрес: пл. Ленина, 9

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26. 06. 1980 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика

Реконструкции: заменена кровля, фасады отштукатурены и расколерованы в два цвета

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

13. Особняк Я. А. Немчинова

Трехэтажное каменное здание, в центре северо-восточного фасада — двухэтажный тамбур; прямоугольное в плане; планировка смешанного типа с преобладанием коридорной (рис. 3)

Адрес: ул. Нерпинская, 48

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 20 от 22. 01. 1991 г.

Дата постройки: нач. XIX в.

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: провинциальный вариант позднего классицизма

Архивы: БТИ г. Тары. Д.1293. Л.179. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

14. Здание для хозяйственных нужд (склады, конюшня) купчихи Пятковой

Одноэтажное кирпичное здание; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 23

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: хозяйственная постройка

Рис. 4. Особняк купцов И. Ф. Нерпина–М. Ф. Пятковой. 1796, кон. XIX в. Фото 2010 г.

Рис. 5. Дом жилой на территории казенного винного склада. 1898–1902. Фото 2010 г.

Стиль: эклектика с барочными элементами

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

15. Особняк купцов И. Ф. Нерпина – М. Ф. Пятковой

Двухэтажное с мезонином каменное здание усложненной конфигурации. Объем с мезонином, датируемый концом XVIII в., имеет форму, близкую к П-образной; юго-восточная пристройка выделена ризалитом, имеется одноэтажный входной тамбур. В кон. XIX в. к зданию был выполнен пристрой, связанный с основным объемом пониженной (на уровне второго этажа) вытянутой прямоугольной частью. Планировка сложной конфигурации, с анфиладной системой расположения помещений (рис. 4)

Адрес: ул. Советская, 30

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26. 06. 1980 г.

Дата постройки: 1796, кон. XIX в.

Архитектор: Эдуард Иванович Эзет (выполнил проект пристроя, не позднее 1891 г.) [3]

Материал: красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизм; эклектика с барочными элементами

Реконструкция: произведены замена кровли, побелка и окраска фасадов здания

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; БТИ г. Тары. Инв. № 30. Кв. № 175. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

16. Дом жилой (территория казенного винного склада)

Двухэтажное каменное здание с полуподвалом и двумя входными ризалитами; прямоугольное в плане (рис. 5)

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 – 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: жилое здание

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

17. Жилой дом А. Ф. Щербакова

Двухэтажное здание с нижним каменным этажом и верхним деревянным (рубленным и обшитым тесом); с юго-восточной стороны — боковой пристрой; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Александровская, 84

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28. 05.1989 г.

Дата постройки: до 1859

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: «уходящий» классицизм с элементами народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

18. Жилой дом И. Ф. Щербакова

Двухэтажное здание с нижним каменным этажом и верхним деревянным (рубленным и обшитым тесом); с северо-западной стороны — боковой пристрой; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Александровская, 84

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28. 05.1989 г.

Дата постройки: до 1859

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: «уходящий» классицизм с элементами народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

19. Дом Смороденниковых

Двухэтажное деревянное рубленое здание на высоком каменном фундаменте; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Дзержинского, 11

Статус: на учете не состоит; обладает признаками объекта культурного наследия

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с элементами народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

20. Дом купца П. В. Шанского

Двухэтажное здание с нижним каменным этажом и верхним деревянным (рубленым и обшитым тесом), в юго-восточной части — двухэтажный пристрой с входным тамбуром; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Дзержинского, 23

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: кон. XIX — нач. XX в.

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с деревянным декором из словаря народной архитектуры

Реконструкция: в 2000-е гг. изменена конфигурация части окон ввиду установки стеклопакетов

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

21. Дом купца Шанского (Шаинского)

Двухэтажное здание с нижним каменным этажом и верхним деревянным (рубленым и обшитым тесом); в юго-восточной и северо-западной частях — одноэтажные входные тамбуры; прямоугольное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: ул. Ленина, 139

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26. 06. 1980 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с деревянными элементами в стилистике барокко

Архивы: БТИ г. Тары. Кв. № 173. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

22. Жилой дом купца Айтыкина

Двухэтажное здание с нижним каменным этажом и верхним деревянным (рубленным и обшитым тесом); Г-образное в плане

Адрес: ул. Нерпинская, 25.

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: перв. пол. XIX в. (?)

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: поздний классицизм

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

23. Дом Ждановой

Двухэтажное деревянное рубленое здание на каменном фундаменте, с северо-восточной стороны — двухэтажные сени с обшивкой тесом; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Избышева, 2.

Статус: на учете не состоит; обладает признаками объекта культурного наследия

Дата постройки: кон. XIX — нач. XX в.

Материал: дерево, красный кирпич, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика с элементами народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

24. Особняк купеческий

Двухэтажное деревянное здание (рубленое, обшитое тесом), к дворовому фасаду пристроены двухэтажные сени и одноэтажный кирпичный тамбур; прямоугольное в плане здание, внутренняя планировка смешанного типа с преобладанием анфиладной системы

Адрес: пл. Ленина, 4

Статус: на учете не состоит

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; ТФ ИсА-ОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 134. Л. 5. Материалы архива Министерства культуры Омской области

25. Особняк адвоката Корикова-Михайлова

Двухэтажное деревянное здание на каменном фундаменте (рубленое и обшитое тесом), объем усложнен с южной стороны двухэтажным пристроем, с восточной — сенями; прямоугольное в плане; внутренняя планировка смешанного типа, с преобладанием анфиладной системы

Адрес: ул. Советская, 16

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 23. 05. 1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с элементами «сибирского барокко»

Реконструкции: заменена входная стеклянная дверь в сенях на обычную, осыпь краски на фасадах здания

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; ТФ ИсА-ОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 83; картотека памятников архитектуры г. Тары Тарского краеведческого музея. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

26. Особняк купца Хомякова

Двухэтажное деревянное здание (рубленое и обшитое тесом) на каменном фундаменте, с северо-западной и юго-восточной сторон — двухэтажные пристрои; прямоугольное в плане; анфиладная система внутренней планировки

Адрес: ул. Советская, 18

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 23. 05. 1989 г.

Дата постройки: кон. XIX — нач. XX вв.

Материал: дерево, красный кирпич, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика с элементами народного зодчества

Реконструкция: в 2006 г. проведены ремонтные работы, заменены кровля, оконные блоки и дверные полотна, произведена покраска стен и декоративных элементов

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161. Материалы архива Министерства культуры Омской области

27. Дом купчихи Пятковой

Двухэтажное здание с цокольным каменным этажом, верхним — деревянным (рубленным и обшитым тесом); с северо-западной и юго-западной сторон примыкают двухэтажные сени, на северо-западной — одноэтажный пристрой входного тамбура; прямоугольное в плане здание, внутренняя планировка смешанного типа с преобладанием анфиладной системы

Адрес: ул. Советская, 21

Статус: памятник истории и культуры регионального значения. Постановление Главы Администрации Омской области от 19.04.94 № 176-п

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Рис. 6. Особняк купца Н. Я. Носкова. Кон. XIX в. Фото 2010 г.

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: ретроспективное стилизаторство в рамках поздней эклектики — «возрожденный классицизм»

Реконструкция: в оконных проемах установлены стеклопакеты

Архивы: БТИ г. Тары. № 4431. Кв. № 174. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

28. Особняк купца Н. Я. Носкова

Двухэтажное деревянное здание на каменном фундаменте (рубленое и обшитое тесом), в юго-восточной части сооружены сени; прямоугольное в плане; анфиладная система внутренней планировки (рис. 6)

Адрес: ул. Советская, 24

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26. 06. 1980 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, красный кирпич, штукатурка, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с элементами барокко и «русского стиля»

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

29. Дом купца Акима Канаревского

Двухэтажное здание с цокольным каменным этажом, верхним — деревянным (рубленым и обшитым тесом); торцевые стены завершаются раскрепованным фронтоном с оконным проемом в тимпане; здание прямоугольное в плане

Адрес: ул. Спасская, 33

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: кон. XIX в. — нач. XX вв.

Материал: красный кирпич, штукатурка, дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

30. Многоквартирный жилой дом

Двухэтажное деревянное рубленое здание; прямоугольное в плане; внутренняя планировка смешанного типа (сочетание коридорной и анфиладной систем)

Адрес: ул. Александровская, 61

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28. 05.1989 г.

Дата постройки: сер. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Стиль: эклектика с элементами народной архитектуры

Первоначальная функция: жилое здание

Реконструкция: в 2009 г. изменены размеры окон второго этажа при установке стеклопакетов

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

31. Дом купца Деева (М. И. Шкляевой)

Двухэтажное деревянное рубленое здание; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Александровская, 62

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28.05.1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо, шифер

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с деревянным декором из Словаря народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

32. Жилой дом Нерпиных

Двухэтажное деревянное здание (рубленое и обшитое тесом); прямоугольное в плане

Адрес: ул. Избышева, 1

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 239/10 от 26. 06. 1980 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика с элементами народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

33. Жилой дом купца В. М. Деева (Дом купца Шанского)

Одноэтажное деревянное рубленое здание; прямоугольное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: ул. Избышева, 20 / ул. Александровская, 54

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28.05.1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с деревянным декором из Словаря народной архитектуры

Реконструкция: в 2000-е гг. стены заново обшиты тесом, заменена кровля, изменена конфигурация крыши и карниза (увеличены в размерах)

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; ТФ ИсАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 69 — 71; БТИ г. Тары. Инв. № 93. Архив Тарского историко-краеведческого музея. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

34. Дом жилой

Двухэтажное деревянное рубленое здание, с северо-западной стороны пристроены сени; квадратное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: ул. Карбышева, 6

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28.05.1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с элементами народной архитектуры

Реконструкция: незначительные переделки — на втором этаже заложено угловое окно со стороны юго-западного фасада

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; БТИ г. Тары. Инв. № 1328. Кв. 118. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

35. Дом жилой

Двухэтажное деревянное рубленое здание, с северо-восточной стороны пристроны сени; прямоугольное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: ул. Карбышева, 8

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28. 05. 1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо, шифер

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с элементами и декором из Словаря народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

36. Дом жилой

Двухэтажное деревянное рубленое здание, с северо-восточной стороны пристроены сени; прямоугольное в плане, анфиладная система планировки

Адрес: ул. Карбышева, 10

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 28.05.1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо, шифер

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с декором из народной архитектуры

Архивы: РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161; БТИ г. Тары. Инв. № 1328. Кв. 119. Материалы архива Министерства культуры Омской области.

37. Дом судовладельца Коншина

Двухэтажное деревянное рубленое здание на каменном фундаменте; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 23а

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: нач. XX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: классицизирующая эклектика

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

38. Дом жилой

Двухэтажное деревянное здание (рубленое и обшитое тесом), с северо-западной стороны примыкают тесовые сени; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Избышева, 16

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с декором из Словаря народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

39. Дом священника С. Александрова

Одноэтажное деревянное здание с мезонином (рубленое и обшитое тесом), имеет пристрой с сенями, выходящий на главный фасад; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Александровская, 63

Статус: памятник истории и культуры регионального значения; решение Омского облисполкома № 139 от 23. 05. 1989 г.

Дата постройки: кон. XIX в.

Материал: дерево, кровельное железо

Первоначальная функция: жилое здание

Стиль: эклектика с барочными приемами в композиции, с элементами и декором из Словаря народной архитектуры

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области.

ЗДАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО И РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

40. Сторожка с приемным покоем (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание с боковым пристроем с северо-западной стороны; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 – 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: служебная постройка; часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

41. Сторожка с контрольным проходом (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание с боковым пристроем с юго-восточной стороны, прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 – 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: служебная постройка; часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

42. Производственный корпус (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание с боковым пристроем с юго-восточной стороны; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 – 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: служебная постройка; часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

43. Труба котельной (территория казенного винного склада)

Многоярусное сооружение; квадратное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 – 1902

Материал: красный кирпич

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

44. Котельная (территория казенного винного склада)

Руинированное состояние

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 — 1902

Материал: красный кирпич

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

45. Электростанция (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание; П-образное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 — 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

46. Бондарка (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание; прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 — 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

47. Навес для бочек и ящиков / навес для подвод и лошадей (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание, прямоугольное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 — 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

48. Угольный завод (территория казенного винного склада)

Прямоугольное в плане здание, разделенное на два объема: одноэтажный и двухэтажный (с цокольным этажом).

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 — 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

49. Хозяйственная постройка (территория казенного винного склада)

Одноэтажное каменное здание, квадратное в плане

Адрес: ул. Советская, 75

Статус: выявленный памятник истории; распоряжение Министерства культуры Омской области от 04.08.2006 г. № 391-рм

Дата: 1898 — 1902

Материал: красный кирпич, кровельное железо

Стиль: «кирпичный стиль»

Первоначальная функция: часть производственного комплекса

Архивы: материалы архива Министерства культуры Омской области

Библиографический список

1. Вибе, П. П. О подготовке свода памятников истории и культуры Омской области / П. П. Вибе, Т. К. Вибе // Известия ОГИК музея. — Омск, 2000. — № 8. — С. 7 — 42.

2. Голошубин, И. Справочная книга Омской епархии / И. Голошубин. — Омск : Иртыш, 1914. — С. 761 — 769.

3. Гуменюк, А. Н. Стилистические признаки «сибирского барокко» в архитектуре г. Тары в конце XIX века. (К вопросу изучения памятников культуры малых исторических городов) / А. Н. Гуменюк // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. — 2009. — № 4. — С. 91 — 96.

4. Лебедева, Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья / Н. И. Лебедева. — Омск : Изд-во ОмГПУ: ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. — С. 44 — 49, 63 — 64, 115 — 116.

5. Чуйко, Л. Н. Резной декор деревянной архитектуры: Омск и Тара, конец XIX — вторая половина XX в. : моногр. / Л. В. Чуйко. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Наука, 2005. — 295 с.

ГУМЕНЮК Алла Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент (Россия), профессор кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии», заслуженный работник культуры РФ.

Адрес для переписки: gumenyuk-alla@mail.ru

ЛЯЛИКОВ Илья Витальевич, аспирант кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии».

Адрес для переписки: illuzion_@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.12.2013 г.

© А. Н. Гуменюк, И. В. Ляликов